

~~Г. П. Задера.~~

Л. Н. ТОЛСТОЙ

О

медицинѣ и врачахъ.

„Только хорошій человекъ можетъ
быть хорошимъ врачомъ“.

Проф. Нотнагель.



Издание второе.

Ростовъ на Дону.
Изд. журн. „Фельдшерская Мысль.“
1915.

Предисловіе къ 2-му изданію.

Среди міровыхъ мыслителей послѣднихъ вѣковъ нѣтъ равнаго Толстому. Всѣ культурные народы чтутъ въ немъ несравненнаго художника слова, умъ необыкновеннаго величія, истиннаго праведника, достойнаго самой высокой человѣческой славы. Но съ еще большимъ благоговѣніемъ отнесутся будущія поколѣнія къ ученію пророка, опередившаго мысль современнаго человечества.

Подъ вліяніемъ страстей, присущихъ человѣческой природѣ, міръ не разъ приближался къ пропасти, грозившей человечеству гибелью. Въ такія эпохи являлись люди исключительнаго нравственнаго духа и своею проповѣдью освѣжали нравственные идеалы человечества. Современники не всегда оказывали должное поклоненіе учителямъ жизни, проповѣдникамъ чистой морали, не всегда понимали ихъ, иногда поносили. Но нравственное ученіе проникало въ души людей и незримо производило свое благотворное вліяніе на ихъ жизнь.

Такимъ великимъ праведникомъ, проповѣдникомъ царствія Божія на землѣ, т. е. идеальной общественной жизни людей, является для нашего времени Толстой.

Нравственная сила человечества не есть производное отъ внѣшнихъ условій человѣческаго существованія,—какъ думаютъ многіе изъ современныхъ культурныхъ людей; это—сила самодовлѣющая и, какъ таковая, она живетъ въ человѣческихъ душахъ, независимо отъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ условій существованія. Пусть на землѣ воцарится полное социальное и экономическое равенство, но если будутъ въ забросѣ высшіе нравственные идеалы—человѣчество погибнетъ отъ моральнаго вырожденія. Нравственная проповѣдь всегда считалась и будетъ считаться самой высо-

кой проповѣдью, и великіе проповѣдники истинной морали всегда будутъ пользоваться поклоненіемъ человечества преимущественно передъ жрецами религіи, науки, искусства,—ибо нравственное ученіе охватываетъ и направляетъ всѣ проявленія человѣческаго духа. Развѣ не заслуженно міръ на множество вѣковъ почтилъ колѣнопоклоненіемъ величайшаго изъ моралистовъ, но не свѣдущаго въ человѣческой наукѣ и искусствахъ—Христа? Пусть приверженцы современной науки превозносятъ значеніе ея на какую имъ угодно высоту,—отъ этого не умаляется высокое значеніе нравственныхъ ученій, дающихъ полезное людямъ направленіе культурѣ, наукѣ, искусствамъ; не умаляется и значеніе для міра великихъ проповѣдниковъ, идущихъ впереди и свѣтомъ высокой нравственной проповѣди озаряющихъ путь человечеству.

Сила Толстого въ томъ, что онъ глубоко постигъ человѣческую душу. Все, что онъ проповѣдуетъ, отправляется отъ этого священнаго источника—проникновенія въ жизнь человѣческой души. Духовный міръ людей доступенъ взору Толстого, какъ никому другому, и въ этомъ мірѣ онъ разбирается такъ же свободно, какъ естествоиспытатель—въ мірѣ вещественномъ. И съ доступной ему одному нравственной высоты Толстой оцѣниваетъ жизнь современнаго человечества—его религію, культуру, науку, искусство, политику, литературу. Съ этой высоты онъ видитъ заблужденія современнаго человечества и указываетъ на нихъ. Онъ видитъ, какъ въ этихъ заблужденіяхъ страдаетъ каждый человѣкъ и коллективная душа всего человечества, и онъ проповѣдуетъ иные идеалы, при которыхъ возможна на землѣ истинная духовная свобода, духовное равенство и братство, сами

собой осуществляющія свободу, равенство и братство во внѣшней жизни.

Касаясь науки, Толстой считаетъ ее столь же необходимой для людей, „какъ пища, питье, одежда—даже необходимѣ“. Но такую характеристику Толстой даетъ наукѣ истинной, каковою господствующая наука, по его мнѣнію, считается не можетъ. Не можетъ она считаться таковою потому, что эта господствующая наука „не есть разумная дѣятельность всего безъ исключенія человѣчества, выдѣляющаго свои лучшія силы на служеніе наукѣ, а дѣятельность маленькаго кружка людей, имѣющихъ монополію этихъ занятій и потому извратившихъ самыя понятія науки, потерявшихъ смыслъ своего призванія...“

Въ самомъ дѣлѣ, наука—занятіе ею и пользованіе ею—есть достояніе небольшого кружка богатыхъ и сытыхъ людей. Уже поэтому одному она не можетъ быть совершенной и, какъ таковая, не можетъ возбуждать восторженнаго къ себѣ отношенія. Совершенною наука была бы тогда, когда бы въ дѣятельности ея и пользованіи ею принимало участіе все человѣчество, свободно выдѣляющее на служеніе наукѣ свои лучшія силы. Пусть наука не виновата въ томъ, что для лучшихъ силъ человѣчества, зрѣющихъ въ глубинѣ народныхъ массъ, участіе въ научной дѣятельности недоступно; пусть не ея вина, что она не составляетъ достоянія всего человѣчества. Пусть... Но отъ этого опредѣленіе внутренняго убожества господствующей науки не измѣняется. Народъ не выдѣляетъ изъ своей среды дѣятелей науки, не пользуется ея открытіями,—на него лишь падаетъ бремя содержанія этой науки, которую дирижирующіе классы вооружаются для болѣе удобнаго закрѣпощенія народныхъ массъ въ социальномъ и экономическомъ рабствѣ. Отсюда—развращенность науки и ея дѣятелей, состоящихъ на службѣ у богатыхъ и сильныхъ.

Что касается медицины, то она находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и всякая другая наука, и ей свойственны тѣ же недостатки. Медицина такъ же составляетъ достояніе незначительнаго меньшинства.

„Воображаемая наука врача,—говоритъ Толстой,—вся такъ поставлена, что онъ

умѣетъ лечить только тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій, инструментовъ, лекарствъ, и гигиеническихъ приспособленій. Онъ учился у знаменитостей въ столицахъ, которыя держатся пациентовъ только такихъ, которыхъ можно лечить въ клиникѣ, или которые, лечась, могутъ купить необходимыя для леченія машины и даже переѣхать сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія и другія воды... Наука, кормящаяся на счетъ рабочаго народа, совершенно забыла объ условіяхъ жизни этого народа, игнорируетъ (какъ она выражается) эти условія и пресерьезно обижается, что ея воображаемыя знанія не находятъ приложенія къ народу“.

Но, какъ мы видимъ, даже привилегированнымъ классамъ господствующая медицина не обеспечиваетъ здоровой, болѣе продолжительной жизни. Значительное большинство богачей и власть имущихъ, отъ специфическихъ условій своей жизни, объяденія, пьянства, разврата, всю жизнь одержимы нервными, желудочными, половыми болѣзнями. И не смотря на то, что люди эти цѣлую жизнь лечатся, они цѣлую жизнь больны.

— „Что за воображеніе, — говоритъ Андрей Болконскій,—что медицина кого-нибудь вылечивала“. Въ этихъ словахъ, даже съ точки зрѣнія людей науки, нѣтъ ничего парадоксальнаго. Знаменитый вѣнскій клиницистъ Шкода говорилъ: „Мы можемъ болѣзнь діагностировать, описать и понять, но мы не должны мечтать, что можемъ ее излечить какими бы то ни было средствами“. Извѣстный нѣмецкій врачъ Эдмундъ Бернацкій пишетъ: „Многіе молодые врачи очень высокаго мнѣнія о продуктивности врачебнаго искусства и воображаютъ себя обладающими большою силой, — имѣя въ распоряженіи противъ всѣхъ болѣзней несомнѣнные рецепты. На дѣлѣ же всю прикладную часть медицины слѣдовало бы преподавать въ такомъ тонѣ, что она ни одной болѣзни и ни одной смерти побѣдить не можетъ“*) Но если господствующая медицина бесполезна въ приложеніи къ жизни, то

*) Эдм. Бернацкій: „Современная Медицина“. — „Вѣстникъ Знанія“, 1903 г.

какая же можетъ быть польза отъ ея теории? Здѣсь умѣстно вспомнить слова Вересаева о медицинскомъ образованіи: „Знанія требовались громадныя, и по крайней мѣрѣ три четверти изъ нихъ представляли совершенно ненужный балластъ“. И потому для Вересаева „рядомъ съ тою парадною медициною, которая лечитъ и воскрешаетъ,—все шире развѣртывалась другая медицина,—немошная, безсильная, ошибающаяся и лживая, берущаяся лечить болѣзни, которыхъ не можетъ опредѣлить, старательно опредѣляющая болѣзни, которыхъ завѣдомо не можетъ вылечить“...

Знаменитый французскій клиницистъ Труссо говорилъ, что для успѣха медицинской практики нужно „много здравого пониманія людей, а знаніе... тоже иногда бываетъ полезно“.

— „Наше тѣло есть машина для жизни,—говоритъ толстовскій Наполеонъ.— Оно для этого устроено, въ этомъ состоитъ его природа. Оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пускай она сама защищается: она больше сдѣлаетъ, чѣмъ когда вы будете пичкать тѣло лекарствомъ“. А вотъ слова названнаго выше ученаго нѣмецкаго врача Э. Бернацкаго: „Болѣзни могутъ быть излечены, не смотря на недостатокъ знаній, очень просто: потому что организмъ самъ себя излечиваетъ. Самоизлеченіе помогаетъ, не смотря на всѣ недостатки діагноза, оно—первое и важнѣйшее средство леченія. Львиная доля во всякомъ основательномъ леченіи, иногда все, принадлежитъ самоизлеченію, и наше человѣческое содѣйствіе представляетъ только небольшую прибавку къ нему“.

Толстой называетъ врачей „дрянными обманщиками“, относящими на свой счетъ вліяніе самоизлеченія и другихъ факторовъ, не зависящихъ отъ врача. И опять-таки въ этомъ нѣтъ ничего невѣрнаго. По крайней мѣрѣ д-ръ Э. Бернацкій находитъ, что „слава врача основана собственно на нѣкоторомъ обманѣ, для славы врача работаетъ прежде всего природа, такъ какъ при той роли, которую играетъ самоизлеченіе, врачу только сравнительно изрѣдка выпадаетъ на долю спасти человѣка отъ смерти“. Такъ называемое аптечное леченіе представляетъ собою сплошной обманъ.

Съ этимъ согласны теперь многіе врачи, хотя они ежедневно прописываютъ рецепты...

Толстой считаетъ господствующую медицину и дѣятельность врачей вредными. Но вѣдь если, вслѣдъ за учеными врачами, придавать важнѣйшее значеніе самоизлеченію больного организма, то огромное, слишкомъ активное, вмѣшательство прикладной медицины и практикующихъ врачей въ дѣятельность природы больного организма врядъ ли можно признать полезнымъ.

Толстой, устами Андрея Болконскаго, Позднышева и др. героевъ своихъ несравненныхъ художественныхъ произведеній, говоритъ, что врачи „губили и губятъ жизнь сотенъ тысячъ людей“. И ученые медики не только не опровергаютъ такого мнѣнія о дѣятельности врачей, но признаютъ его. Знаменитый проф. Бильротъ съ грустью признается въ одномъ частномъ письмѣ: „Наши успѣхи идутъ черезъ горы труповъ“. Къ этому признанію Вересаевъ прибавляетъ: „Сколько мукъ людей, сколько загубленныхъ жизней лежитъ на пути каждаго врача!“ Нужно отмѣтить, что это происходитъ при „нормальномъ“ ходѣ вещей. А сколько зла сѣется тѣми врачами, которые относятся къ своему служенію недобросовѣстно или легкомысленно. А такихъ врачей, надо думать, подавляющее большинство. По крайней мѣрѣ, д-ръ Жбанковъ, оцѣнивающій медицину взглядомъ врача, тѣмъ не менѣе говоритъ: „Врачи сами виноваты въ томъ, что общество не цѣнитъ медицину и не уважаетъ врачей“ *).

Послѣ сказаннаго удивительно ли, что, по словамъ Вересаева, „въ обществѣ къ медицинѣ и врачамъ распространено сильное недовѣріе“, а по словамъ д-ра Эдм. Бернацкаго—„въ широкихъ кругахъ общества чувствуется извѣстная враждебность и непріязнь противъ врачебнаго міра“. Создалось положеніе, при которомъ,—выражаясь словами Толстого,—вся мудрость медиковъ остается при нихъ, а массы не понимаютъ, не принимаютъ и не нуждаются въ ней. Создалось то,—по словамъ д-ра Эдм. Бернацкаго,—„интересное въ психологическомъ отношеніи явленіе, что совре-

*) Д. Н. Жбанковъ: „О врачахъ“, 1903 г.

менное человечество все болѣе избѣгаетъ ученыхъ врачей. И это получается въ огромнѣйшихъ размѣрахъ именно тамъ, гдѣ врачебная наука достигла высочайшей степени, какъ въ отношеніи средняго образованія отдѣльныхъ врачей, такъ и въ отношеніи заслугъ и успѣховъ современной медицины—именно въ Германіи*.

Такимъ образомъ, все то отрицательное въ господствующей медицинѣ, о чемъ говоритъ Толстой, находитъ не только косвенное, но и прямое подтвержденіе въ мнѣніяхъ представителей ученаго медицинскаго міра.

Но что же вноситъ Толстой къ науку, въ частности, въ медицину,—свое, положительное? Мы привыкли къ тому, что великій мыслитель говоритъ все до конца. И въ данномъ случаѣ мы, конечно, можемъ найти у него ясныя указанія на то, каковою, по его мнѣнію, должна быть всякая наука и медицина въ частности. И мнѣ кажется, что мнѣніе Толстого объ этомъ предметѣ заслуживаетъ самаго глубокаго вниманія общества и ученаго міра.

Въ то время, какъ Вересаевъ, Бернацкій и другіе врачи говорятъ только о внѣшнихъ, физическихъ проявленіяхъ болѣзней, Толстой углубляется въ духовную жизнь больного человѣка. Тамъ, въ глубинѣ человѣческой души, гдѣ подъ вліяніемъ безчисленныхъ совокупныхъ условій жизни совершаются не поддающіеся научному анализу, но важные для физической жизни духовные процессы,—тамъ ищетъ Толстой тѣ первопричины, которыя порождаютъ въ человѣкѣ пониженіе „дѣла жизни“ его, внѣшнимъ образомъ выражающееся болѣзнію; тамъ же, въ нѣдрахъ человѣческой души, ищетъ Толстой причины выздоровленія или смерти. И онъ не только ищетъ, но и находитъ, и съ полной ясностію показываетъ это всѣмъ, не утратившимъ способности общечеловѣческаго мышленія.

Но если причины страданія, выздоровленія или смерти людей кроются въ духовной, нравственной природѣ человѣка, то, естественно, въ эту сторону должно быть направлено вниманіе медицины и, сообразно съ этимъ, должна быть перестроена эта наука въ самомъ корнѣ.

Авторъ этого очерка, часто и близко соприкасаясь, по профессіи фельдшера, съ больными, ежедневно имѣлъ случаи убѣждаться въ правдѣ ученія Толстого о современной медицинѣ и его взгляда на современныхъ врачей,—правдѣ столь глубокой и яркой, столь неотразимой и безпредѣльной, столь захватывающей и могучей. Пораженный и восхищенный этой гениальной правдой, скромный медицинскій работникъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться своимъ впечатлѣніемъ съ читателями. И онъ это сдѣлалъ.

Очеркъ былъ напечатанъ въ медицинскомъ изданіи („Литературно-Медицинскій Журналъ д-ра Окса“) въ 1906 году и одновременно выпущенъ отдѣльной брошюрой.

Какъ и ожидалъ авторъ, очеркъ встрѣтилъ во врачебномъ мірѣ враждебное отношеніе, выразившееся яростными выступленіями во врачебной печати. Автора очерка обвиняли не только въ непониманіи, но даже въ умышленномъ извращеніи ученія Толстого—съ цѣлью унижить врачей. Чтобы покончить съ этими легкомысленными и нелѣпыми, но дружными и настойчивыми нападками,—оставалось одно средство: обратиться къ суду Толстого. Авторъ послалъ ему, 2-го апрѣля 1907 года, слѣдующее письмо:

„Левъ Николаевичъ. Написанная мною брошюра: „Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ“ вызвала взрывъ негодованія въ средѣ врачей. Во всѣхъ врачебно-бытовыхъ журналахъ они настойчиво обвиняютъ меня въ „извращеніи“ Вашихъ идей. Преклоняясь передъ нравственной высотой Вашего ученія, я весьма дорожилъ тѣмъ, чтобы правильно понять и изложить Ваши мысли, насколько онѣ относятся къ медицинѣ и врачамъ. И мнѣ очень хотѣлось бы знать отъ Васъ, извратилъ я Ваши идеи или нѣтъ. Будьте добры, Левъ Николаевичъ, если позволить Вамъ время, написать мнѣ объ этомъ нѣсколько словъ.

Искренно и глубоко уважающій Васъ

Гр. Задера“.

На долю автора выпало счастье получить отъ Льва Николаевича слѣдующій отвѣтъ:

Григорій Пантелеймоновичъ,
Я прочелъ вашу статью: „Мастеръ
в мед. и вѣд.“ и благодарю васъ
за вполне точное выраженіе
моихъ мыслей и чувствъ о со-
временной наукѣ вообще и о
медицинѣ въ частности.

Особенно же порадовало меня
въ вашей статьѣ, выражаемое
вами сочувственное отношеніе
къ ~~медицинѣ~~ ^{решимому} ~~врачу~~
существующей основанной на ~~науке~~
само собой вѣтѣ — и не имѣю
никогда сомнѣнія, что ~~она~~
въ современном наукѣ и ме-
дицинѣ какъ такъ важна ~~для~~
времени въ вашей статьѣ.

Отъ всей души благодарю васъ

Левъ Толстой

14 января
1907.

Григорій Пантелеймоновичъ.
Я прочелъ вашу статью: „Толстой о
медицинѣ и врачахъ“ и благодарю васъ
за вполне точное выраженіе моихъ мы-

слей и чувствъ о современной наукѣ во-
обще и о медицинѣ въ частности.

Особенно же порадовало меня въ ва-
шей статьѣ выражаемое вами сочувствен-

ное согласіе съ тѣми религіозно-нравственными основами, изъ которыхъ само собой вытекаетъ—и не можетъ быть иначе—то отношеніе къ современной наукѣ и медицинѣ, которое такъ вѣрно выражено въ вашей статьѣ.

Отъ всей души благодарю васъ.

Левъ Толстой.

14 апрѣля

1907.

Въ письмѣ, адресованномъ другому лицу, по этому же поводу Левъ Николаевичъ писалъ:

„Получилъ брошюру Задеры. Пожалуйста передай Т—ву, что мысли мои о современной наукѣ и медицинѣ выражены въ ней совершенно точно и что я подписываюсь подо всѣмъ, что въ ней сказано. Напрасна лишь хвала мнѣ“.

Предисловіе къ первому изданію и самый очеркъ печатаются безъ измѣненій, въ томъ видѣ, въ какомъ читалъ ихъ Левъ Николаевичъ Толстой.

Предисловіе къ 1-му изданію.

При изученіи вопросовъ индивидуальной и общественной медицины чрезвычайно любопытно ознакомиться со взглядомъ на этотъ предметъ такого высокаго мыслителя, какъ Л. Н. Толстой.

Даже для человѣка, который не могъ бы согласовать своихъ убѣжденій съ міровоззрѣніемъ великаго писателя, взглядъ его на медицину и врачей долженъ представлять самый глубокой интересъ. „Мы можемъ не раздѣлять мнѣнія тѣхъ, которые отворачиваются отъ науки и ищутъ правды въ религіи,—говоритъ проф. Мечниковъ въ своихъ „Этюдахъ о природѣ человѣка“,—но мы не имѣемъ права не считаться съ ихъ мнѣніемъ или относиться къ нему безразлично“. Тѣмъ болѣе это относится къ мнѣнію Толстого, если мы вспомнимъ слѣдующія слова Вересаева въ его „Запискахъ врача“: „Какая еще громадная область остается въ медицинѣ, гдѣ и въ настоящее время самыми лучшими учителями являются Сервантесъ, Шекспиръ и Толстой“.

Тѣмъ не менѣе авторъ этой книги предвидитъ то враждебное отношеніе, которое, несомнѣнно, встрѣтитъ она во врачебномъ мірѣ. Такъ какъ въ каждомъ обществѣ, сословіи, кастѣ большинство находится не на высотѣ нравственнаго положенія, то и всякаго рода обличенія большинству не приходятся по вкусу. Но если многіе врачи не выносятъ имени Толстого, то есть среди нихъ и такіе, которые въ душѣ раздѣляютъ взглядъ великаго писателя на существующую медицину и даже имѣютъ мужество не скрывать этого. Въ публикѣ же и среди народа научная медицина никогда не пользовалась тѣмъ уваженіемъ, котораго она достойна по своему дѣйствительному назначенію. Съ этимъ

взглядомъ согласится всякій, кто, игнорируя „статистику обращаемости“ больныхъ къ помощи научной медицины, проникнетъ во внутреннюю сущность отношенія къ ней публики и народа. Это отношеніе—въ большинствѣ отрицательное, недověрчивое, враждебное. Но чтобы объяснять такое отношеніе невѣжествомъ профановъ, нужно обладать профессиональнымъ самообольщеніемъ или легкомысліемъ. Недověріе публики и народа къ существующей научной медицинѣ служитъ яснымъ показателемъ того, что медицина приняла несоотвѣтствующее интересамъ людей направленіе.

Важность альтруистическихъ началъ въ медицинѣ никто, даже изъ врачей, отрицать не можетъ. „Только хороший человѣкъ можетъ быть хорошимъ врачомъ“—всегда говорилъ проф. Нотнагель. Даже Ницше, который такъ далекъ отъ увлеченія альтруизмомъ, находитъ необходимыми для врача извѣстныя альтруистическія свойства. Онъ говоритъ: „Нѣтъ другой профессіи, благодаря которой человѣкъ могъ бы стоять такъ высоко, какъ профессія врача“. Но необходимымъ условіемъ для этого Ницше считаетъ не только знакомство врача съ самыми лучшими новыми методами леченія и проч., но и свойства, которыми врачъ „могъ бы привлечь къ себѣ всякаго индивидуума и тронуть его сердце“; врачъ долженъ „отгадывать тайну души“; только съ такими средствами онъ „можетъ сдѣлаться благодѣтелемъ цѣлаго общества, дѣлать много добрыхъ дѣлъ и доставлять духовную радость“... („Человѣческое, слишкомъ человѣческое“).

Но присмотритесь къ взаимнымъ отношеніямъ врачей—и какъ людей, и какъ членовъ одной профессіи—вникните въ отношенія ихъ къ больнымъ, къ смысл

и задачамъ своей науки,—и вы увидите, что и медикамъ и создаваемой ими медицинѣ слишкомъ не хватаетъ чистой нравственности.

Именно это и говоритъ своимъ учениемъ „одинъ изъ самыхъ дучшихъ учителей въ медицинѣ“.

Авторъ вполне сознаетъ, что взгляды Толстого на медицину и врачей не могутъ быть исчерпаны въ бѣгломъ очеркѣ.

По своей огромной важности взгляды эти достойны обширной критической литературы и глубокаго, всесторонняго изученія ихъ—не только сторонниками ученія Толстого, но и противниками. И если настоящій краткій очеркъ вызоветъ въ комъ-нибудь желаніе заняться болѣе широкимъ изученіемъ столь важнаго ученія Толстого о медицинѣ и врачахъ—авторъ сочтетъ свою задачу достигнутой.

I.

Существуетъ мнѣніе, въ особенности среди врачей, что Толстой, отвергая многое, что всѣ признаютъ для человѣчества необходимымъ, отрицаетъ науку вообще и медицину въ частности. Но это не такъ. Толстой не отрицаетъ необходимости и пользы науки и ея дѣятелей. „Я не отрицаю науку и искусство,—говоритъ онъ.—Наука и искусство такъ же необходимы для людей, какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе. Наука и искусство прекрасныя вещи... Они подвинули впередъ человѣчество. Истинныя науки и искусства всегда существовали и всегда будутъ существовать, какъ и всѣ другія отрасли человѣческой дѣятельности, и невозможно и бесполезно отрицать или защищать ихъ“.

Но такую науку и такую медицину, какая существуетъ въ наше время, собственно, такое направленіе науки и, въ частности, медицины—Толстой осуждаетъ безусловно. И осуждаетъ, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что при существующемъ направленіи науки блага, достигаемая ею, составляютъ достояніе лишь ничтожной части человѣчества и, вообще, не служатъ для счастья людей. „Вредныхъ и бесполезныхъ наукъ нѣтъ“,—говоритъ Толстой,—но всякую науку можно употребить во зло, дать ей вредное для человѣчества направленіе, что, по мнѣнію Толстого, и случилось съ науками нашего времени. Одинъ изъ самыхъ лучшихъ учителей въ медицинѣ, —какъ говоритъ о Толстомъ Вересаевъ,—находитъ, что науки, въ томъ числѣ и медицина (которой въ своихъ произведеніяхъ Толстой отводитъ такъ много мѣста), зиждутся на ложныхъ методахъ, руководятся ложными принципами и теоріями, и что вытекающая изъ этихъ ложныхъ теорій и принциповъ дѣятельность людей науки, въ томъ числѣ и

врачей, не только не можетъ быть полезной, но, какъ всякая ложь и заблужденіе, она неизбѣжно вредна.

И нельзя сказать, чтобы съ такимъ взглядомъ на науки Толстой былъ одинокъ: существующее направленіе наукъ, въ частности медицины, осуждаютъ и многіе другіе мыслители, осуждаетъ общество, народъ, осуждаютъ, какъ мы знаемъ, и лучшіе изъ людей науки.

Въ своей статьѣ „О назначеніи науки и искусства“ Толстой рассуждаетъ, что хотя со временъ Конта періодъ теологическихъ и метафизическихъ „бредней“ смѣнился критической позитивной наукой, основанной на индукціи и опытѣ, тѣмъ не менѣе наука не стала чѣмъ-то самобытнымъ не подлежащимъ ошибкамъ, а попрежнему осталась „измышленіемъ слабыхъ и заблуждающихся людей“, измышленіемъ, клонящимся къ оправданію человѣческихъ слабостей и существующаго устройства жизни, основаннаго на неправильномъ раздѣленіи труда. Утвержденіе, что наука, построенная на изученіи фактовъ, не можетъ быть ложной наукой, заблужденіемъ—неправильно: фактовъ безчисленное множество и изучить всѣхъ нельзя; изученіе же одной, ничтожной части явленій жизни не можетъ дать правильныхъ выводовъ объ общихъ законахъ жизни, тѣмъ болѣе, что подвергаемые изученію факты выбираются по предвзятой теоріи, придуманной людьми науки и оправдывающей существующее устройство жизни, при которомъ эти самые люди занимаютъ обеспеченное и привилегированное положеніе. Такимъ образомъ, человѣчество, со страшными борьбою и трудомъ высвободившееся изъ многихъ обмановъ и суевѣрій, встрѣтилось съ новымъ, еще злѣйшимъ обманомъ—научнымъ.

Только по недоразумѣнію такой взглядъ Толстого на современную науку считается исключительнымъ. Не то же ли говорятъ и люди науки? Они также не рѣшаются признать науку „самобытной, не подлежащей ошибкамъ“. Они, впрочемъ, утверждаютъ, что наука идетъ правильнымъ путемъ, все болѣе совершенствуясь; отрицаніе сегодня того, что признавалось еще вчера, не только не смущаетъ людей науки, а есть, по ихъ мнѣнію, хороший признакъ, убѣждающій, какъ быстро движется наука по пути изученія міровыхъ явленій и какъ, слѣдовательно, при такомъ быстромъ движеніи, она скоро придетъ къ окончательнымъ выводамъ, къ разрѣшенію всѣхъ вопросовъ жизни.

Но дѣло въ томъ, что въ виду безчисленности фактовъ и явленій жизни, умъ человѣческій никогда не будетъ въ состояніи объять вселенную и постигнуть истину, и потому истинные законы жизни всегда будутъ для него загадкой; вчерашнія научныя открытія и выводы будутъ отвергаться сегодня, сегодняшнія—завтра, и никогда не придетъ время, когда въ открытія и выводы науки можно будетъ вѣрить, какъ въ положительные, какъ въ нѣчто совершенное, вѣчное, неизблемое, истинное. И всегда будетъ жить въ людяхъ мысль, что неизвѣстные и неизученные факты и явленія быть можетъ и есть самые главные, ведущіе къ несомнѣнной истинѣ, совсѣмъ иной, чѣмъ мы представляемъ себѣ ее на основаніи уже извѣстныхъ фактовъ. И, такимъ образомъ, наука всегда будетъ имѣть характеръ заблужденія, обмана. Это говоритъ Толстой и это же самое вытекаетъ изъ положеній людей науки, хотя и говорящихъ почему-то объ извѣстныхъ имъ „точныхъ“ знаніяхъ.

Какимъ же должно быть направленіе науки?

На это у Толстого имѣется весьма ясное и простое опредѣленіе: наука должна имѣть своею цѣлью пользу и благо всѣхъ людей, а не привилегированнаго меньшинства; наука должна имѣть свою цѣлью сдѣлать жизнь человѣческую лучшей и счастливой, чего нельзя ждать отъ науки, для которой человѣкъ—только предметъ наблюденія, а борьба за существова-

ніе—высшій законъ жизни; наука должна изучать не то, что случайно заинтересовываетъ насъ и чѣмъ занимаются ученые для удовлетворенія праздно любознательности, а должна быть изученіемъ того, „какъ должна быть учреждена жизнь человѣческая—тѣхъ вопросовъ религіи, нравственности, общественной жизни, безъ рѣшенія которыхъ всѣ наши познанія природы вредны или ничтожны“; наука должна изучать, чему должно и чему не должно вѣрить, какъ должно и не должно основывать совокупную жизнь людей и т. д. Мы знаемъ разстояніе отъ солнца до земли,—говоритъ Толстой,—химическій составъ млечнаго пути, толкуемъ о микроорганизмахъ и ихъ выдѣленіяхъ, изобрѣли телефоны, фонографы, микроскопы и т. д., но мы не знаемъ самыхъ простыхъ и нужныхъ вещей, безъ знанія которыхъ нельзя жить.

„Успѣхи науки очень удивительны,—говоритъ Толстой,—но по особенной несчастной случайности, признаваемой и людьми науки, до сихъ поръ успѣхи эти не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства“. „Надо надѣяться, что будетъ указана людямъ невѣрность теоріи науки для науки и что на основаніи христіанскаго ученія будетъ сдѣлана переоцѣнка всѣхъ тѣхъ знаній, которыми мы такъ гордимся, будетъ показана ничтожность знаній опытныхъ и важность знаній религіозныхъ, нравственныхъ и общественныхъ“.

О важности религіозныхъ и нравственныхъ вопросовъ говорятъ не одни моралисты. Устами многихъ своихъ представителей наука признаетъ себя неспособной рѣшить проблему человѣческаго существованія. Люди науки оказываются несостоятельными въ отрицаніи той общей въ наше время мысли, что, разрушивъ религіозныя основы и отнявъ у человечества утѣшенія религіи, наука не могла замѣнить ихъ чѣмъ либо болѣе опредѣленнымъ и прочнымъ.

„Странное дѣло,—пишетъ, на примѣръ, врачъ-практикъ К. К. Толстой въ своей статьѣ „Природа и судьба человѣка передъ судомъ точной науки“,—чѣмъ дальше идетъ человечество по пути прогресса,

тѣмъ жизнь его становится тоскливѣе и безотраднѣе; чѣмъ больше мы накапливаемъ положительныхъ знаній, тѣмъ больше убѣждаемся, что исчерпать ихъ запасъ невозможно... На многіе вѣковѣчныя вопросы человечества наука не только не отвѣчаетъ, но даже считаетъ ихъ недостойными отвѣта, праздными. А мы отъ нихъ отдѣлаться не можемъ безъ ихъ рѣшенія... Разъ чувство остается неудовлетвореннымъ, то разуму, завѣдомо не вполне хорошо освѣдомленному, слѣдовало бы пересмотрѣть свои рѣшенія“.

Можно бы, не дорожа мѣстомъ и не боясь утруждать читателя, привести цѣлый рядъ справокъ, доказывающихъ, что многіе изъ людей науки далеко не оптимистически относятся къ своимъ задачамъ, и иногда обезцѣниваютъ науку, которой служатъ и около которой „кормятся“, не мѣнѣе, чѣмъ Толстой.

Изъ этого видно, что взгляды великаго писателя на современную науку вовсе не имѣютъ того исключительнаго характера, который приписывается имъ въ обществѣ и литературѣ.

Переходя отъ науки къ ея дѣателямъ, Толстой говоритъ, что чѣмъ дальше поднимаются люди науки въ изученіи фактовъ природы и въ особенности организмовъ, въ которомъ видятъ разрѣшеніе вопросовъ жизни, „тѣмъ дальше и дальше становится отъ нихъ не только возможность, но даже самая мысль о разрѣшеніи вопросовъ жизни и тѣмъ больше и больше привыкаютъ они не столько наблюдать, сколько вѣрить на слово чужимъ наблюденіямъ, тѣмъ больше и больше усваиваютъ они себѣ спеціальныя научныя жаргонныя условныя выраженія, не имѣющихъ общечеловѣческаго значенія, тѣмъ дальше и дальше заходятъ они въ дебри ничѣмъ не освѣщенныхъ наблюденій; тѣмъ больше и больше лишаются они способности не только самостоятельно мыслить, но понимать даже чужую, свѣжую, человѣческую мысль; главное же, проводятъ лучшіе годы въ отвыканіи отъ жизни, т. е. отъ труда, привыкаютъ считать свое положеніе оправданнымъ и дѣлаются и физически ни на что негодными паразитами, и умственно вывихиваютъ себѣ мозги и становятся скопца-

ми мысли. И точно также, по мѣрѣ оглушенія, приобретаютъ самоуверенность, лишаящую ихъ уже навсегда возможности возврата къ простой трудовой жизни, къ простому, ясному и общечеловѣческому мышленію“. Наука наша „удовлетворяетъ праздною любознательности, удивляетъ людей и общаетъ имъ увеличеніе наслажденій. И потому, между тѣмъ, какъ все истинно великое—тихо, скромно, незамѣтно, наука нашего времени не знаетъ предѣловъ самовосхваленія“. И случилось все это потому, что „наука не есть разумная дѣятельность всего безъ исключенія человечества, выдѣляющаго свои лучшія силы на служеніе наукъ, а дѣятельность маленькаго кружка людей, имѣющихъ монополию этихъ занятій и потому извратившихъ самыя понятія науки, потерявшихъ смыслъ своего призванія и занятыхъ только тѣмъ, чтобы забавлять и спасать отъ удручающей скуки свой маленькій кружокъ дармоедовъ“. Наука, сдѣлавшая себѣ цѣлью не пользу народа, а таинственную пользу науки („наука для науки“), стала раздавательницей дипломовъ, и приготовляемые такимъ „фабричнымъ путемъ“ научныя дѣятели приступаютъ къ своему служенію безъ всякой внутренней потребности, привлекаемые возможностью обезпеченной и привилегированной жизни; изъ обязанностей своихъ люди науки дѣлаютъ права и, полагая всю свою дѣятельность въ „дрянномъ обманѣ“, проводятъ остальную часть времени въ праздно болтовнѣ, сплетняхъ, развлеченіяхъ, пьянствѣ, картахъ, развратѣ.

Въ отзывѣ Толстого о дѣателяхъ науки много рѣзкаго, но это свое мнѣніе онъ иллюстрируетъ въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ цѣлымъ рядомъ живыхъ типовъ, взятыхъ изъ дѣйствительной жизни, а въ своихъ обличительныхъ статьяхъ доказываетъ съ такимъ убѣжденіемъ, которое можетъ поколебать даже самаго преданнаго наукѣ человѣка. И если открыто въ ученомъ мірѣ къ мыслямъ Толстого всегда относились отрицательно, то въ глубинѣ души самыхъ убѣжденных въ наукѣ людей взгляды Толстого не могли не производить отрезвляющаго вліянія, уменьшая преувеличенную самоуверенность.

Дѣателей науки можно раздѣлить на три группы. Одни изъ нихъ, углубившись въ науку, точно черезъ узкую щель, смотрятъ на огромный и безконечно разнообразный Божій міръ только съ точки зрѣнія этой своей науки; и въ благотворное значеніе ея для человѣка они вѣрятъ совершенно искренно. Такихъ дѣателей науки можно, пожалуй, причислить къ „на- всегда утратившимъ способность яснаго и общечеловѣческаго мышленія“, но будетъ несправедливымъ назвать ихъ „дрянными обманщиками“, такъ какъ это выраженіе опредѣляетъ обманъ сознательный. Такихъ дѣателей науки относительно мало. Болѣе многочисленную группу составляютъ (и, быть можетъ, въ этомъ виноватъ Толстой) люди сомнѣвающіеся, люди, которые увлекаются лицевой стороной науки, съ ея блестящими и многообѣщающими открытіями, и ужасаются передъ оборотной стороной, видя бѣдствія, опустошенія и то „нравственное растлѣніе“, которое вноситъ наука въ міръ. Наконецъ, есть огромная группа дѣателей науки, „дрянныхъ обманщиковъ“, которые вовсе не вѣрятъ въ благотворность для людей науки, которой служатъ, но со спокойной совѣстью „кормятся“ около нея. И, по крайней мѣрѣ въ медицинѣ, число такихъ дѣателей науки растетъ все болѣе и болѣе.

Прочитывая произведенія Толстого, этого глубокаго знатка человѣческой души, человѣческой жизни, можно удивиться, почему онъ такъ часто касался медицины и ея дѣателей. Но, въ сущности, это по-

нятно: дѣятельность медицины, этой необходимой для человѣчества науки, такъ глубоко проникаетъ въ общественную, семейную и личную духовную жизнь людей, что не можетъ не производить на эту жизнь огромнаго вліянія. Человѣкъ можетъ прожить безъ знанія элементарной астрономіи или даже простой грамоты, но болѣетъ и лечится, и сталкивается съ разнообразными медицинскими дѣателями всякій. Отсюда понятно огромное значеніе медицины и ея дѣателей въ жизни людей и той пользы или вреда, которые эти дѣатели могутъ приносить. Понятно, слѣдовательно, и то, что, изображая нравственную жизнь людей въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, Толстой много останавливался и много думалъ надъ однимъ изъ важныхъ ея факторовъ.

Къ медицинѣ и врачамъ нашего времени Толстой относится отрицательно и съ явнымъ презрѣніемъ. Онъ осуждаетъ господствующее направленіе медицины и самыхъ медицинскихъ дѣателей весьма сурово. По его мнѣнію, медицина нашихъ дней едва ли не самая вредная и, во всякомъ случаѣ, самая бесполезная изъ наукъ, которая когда либо знало человѣчество; а о врачахъ Толстой прямо не можетъ говорить безъ ироніи и раздраженія.

Чтобы уяснить себѣ, какимъ образомъ, въ зависимости отъ развитія общаго отрицательнаго міровоззрѣнія, выработался у Толстого такой взглядъ на медицину и врачей, — считаемъ наиболѣе удобнымъ прослѣдить его произведенія въ хронологическомъ порядкѣ.

II.

Врачъ, съ которымъ мы впервые встречаемся у Толстого въ его „Дѣтствѣ“ — „добрый, старый Иванъ Васильевичъ... Чудесный старикъ! Когда у меня былъ жаръ и бредъ, — писала въ письмѣ Наталья Николаевна, — онъ цѣлую ночь, не смыкая глазъ, просидѣлъ около моей постели, теперь же, такъ какъ знаетъ, что я пишу, сидитъ съ дѣвочками въ диванной, и мнѣ слышно изъ спальни, какъ имъ рассказываетъ нѣмецкія сказки, и какъ онѣ, слушая его, помираютъ со смѣху“.

Хорошее впечатлѣніе производитъ этотъ докторъ старыхъ временъ, тѣхъ временъ, когда врачи мало знали научныхъ „хитростей—мудростей“, гораздо меньше, чѣмъ знаетъ ихъ теперешній школьный фельдшеръ, лечили „мятой, ромашкой, да Гофманскими каплями“, но имѣли доброе, отзывчивое сердце, не считали минутъ, проведенныхъ у постели больного, и отдавались своему дѣлу всею душой. Не имѣя теперешняго множества специальныхъ газетъ и журналовъ, охраняющихъ „честь

сословія“, не имѣя специальныхъ обществъ, вырабатывающихъ специальную кастовую этику, врачи стараго времени, несомнѣнно, гораздо выше держали свое знамя и, вкладывая въ свое дѣло душу, приносили больнымъ болѣе дѣйствительную полазу. Тогда врачи были больше *людьми* и меньше учеными, чиновниками, промышленниками. Больного человека они ставили выше науки, и въ простотѣ и ясности душевной полагали, что главная сила врача заключается въ его нравственныхъ свойствахъ, въ любовномъ отношеніи къ больному, а не въ томъ или другомъ составѣ рецептовъ, не въ прописываніи „новѣйшихъ“ средствъ, только вчера появившихся на рынокѣ, не въ роскошной обстановкѣ, которую зазываютъ больныхъ врачи, не въ бьющей въ глаза рекламѣ, ужасающей своею грубою беззащитностью и низводящей врачей на степень торгашей самой низкой пробы...

Какъ въ жизни, чѣмъ дальше, тѣмъ больше мельчалъ типъ врача, такъ и въ произведеніяхъ Толстого, чѣмъ дальше, тѣмъ рѣзче и суровѣе отношеніе автора къ врачамъ и создаваемой ими медицинѣ.

У Толстого только въ „Дѣтствѣ“ встрѣчается симпатичный врачъ, надъ которымъ авторъ не смѣется, не иронизируетъ. Какъ будто художникъ хочетъ слезать, что врачи могутъ казаться хорошими только въ воспоминаніяхъ дѣтства, когда все кажется въ радужномъ цвѣтѣ. Величайшій жизненный опытъ и глубокая психологическая наблюдательность постепенно открывали художнику въ медицинѣ и ея дѣятеляхъ такія черты, что, по мѣрѣ своего духовнаго роста, Толстой все болѣе отрицательно относится къ медицинѣ и все болѣе рѣзко—къ врачамъ.

Въ разсказѣ „Три смерти“ ящикъ Федоръ, больной чахоткой, два мѣсяца уже лежитъ на печи въ ямской избѣ, гдѣ „жарко, душно, темно и тяжело пахнетъ жильемъ, печенымъ хлѣбомъ и овчиной“. У больного нѣтъ родныхъ, некому за нимъ ухаживать, а о томъ, чтобы позвать къ нему доктора, никто не подумалъ даже тогда, когда докторъ закусывалъ въ станціонномъ домѣ, пока закладывали карету Ширкинской барыни. Никто не дорожитъ

спокойствіемъ послѣднихъ дней ящика, и всѣ говорятъ ему прямо, что ему ужъ не жить, что поэтому ему прямо резонъ отдать товарищу свои сапоги, такъ какъ „въ новыхъ сапогахъ хоронить не станутъ“. И Федоръ только проситъ, чтобы за эти сапоги товарищ поставилъ крестъ на его могилѣ. Умеръ Федоръ безъ напутствія—единственного утѣшенія умирающаго простолюдина; умеръ, какъ лѣсное дерево, которое срубилъ Серега—тихо, безъ протеста, безъ ропота, какъ будто хотѣлъ лишь одного: скорѣе опростать чужой уголъ.

Но вотъ, тоже больная чахоткой, богатая барыня. Она ѣдетъ за границу, къ знаменитымъ врачамъ, въ здоровый климатъ. Ёдетъ въ каретѣ, четверкой, сопровождаемая горничной, лакеемъ, мужемъ, докторомъ. Отъ больной скрываютъ ея положеніе. Она капризничаетъ, раздражается, и хотя говоритъ, что „старается сносить съ терпѣніемъ свои страданія“, но окружающіе то и дѣло возятся съ ней, ухаживаютъ и никакъ не могутъ угодить. Перепробовавъ, очевидно, безчисленное множество врачей, больная, наконецъ, заявляетъ:—„Эти доктора ничего не знаютъ. Есть простыя лекарки, онѣ вылечиваютъ...“ Жила больная въ обстановкѣ, гдѣ люди ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, не переутомляются, сытые, выспавшіеся, въ той самой обстановкѣ, отсутствіе которой, по словамъ врачей, мѣшаетъ успѣху медицины у народа. Однако ничто не спасло больную отъ болѣзни и смерти. Ширкинская барыня умерла также, какъ умеръ ящикъ Федоръ, лишь съ большими страданіями и муками, съ большимъ страхомъ смерти. И не маскируютъ этого ни читаемая надъ ней пѣсни Давида, ни восковые свѣчи, горящія въ серебрянныхъ подсвѣчникахъ, ни каменная часовня, поставленная на могилѣ умершей...

Въ повѣсти „Казакъ“ Оленинъ спрашиваетъ у дяди Ерошки:

— „Что, будетъ ли живъ Лукашка?“

— „А Богъ его знаетъ! Доктура нѣтъ. Поѣхали“.

— „Откуда же привезутъ, изъ Грозной?—спросилъ Оленинъ“.

— „Нѣ, отецъ мой, вашихъ-то, русскихъ, я бы давно перевѣшалъ, кабы царь

былъ. Только рѣзать и умѣютъ. Такъ-то нашего казака Баклашева не человѣкомъ сдѣлали, ногу отрѣзали. Стало дураки! На что теперь Баклашевъ годится? Нѣтъ, отецъ мой, въ горахъ дохтура есть настоящіе. Такъ-то Ворчика, *яню* моего, въ походѣ ранили въ это мѣсто въ грудь, такъ дохтура ваши отказались, а изъ горъ пріѣхалъ Саибъ—вылечилъ. Травы, отецъ мой, знаютъ“.

— „Ну, полно вздоръ говорить!—сказалъ Оленинъ.—Я лучше изъ штаба лекаря пришлю“.

— „Вздоръ,—передразнилъ старикъ.—Дуракъ! дуракъ! вздоръ! Лекаря пришлю... Да кабы ваши лечили, такъ казаки да чеченцы къ вамъ бы лечиться ѣздили, а то ваши офицеры, да полковники изъ горъ дохтуровъ выписываютъ. У васъ фальшь, одна все фальшь“.

„Оленинъ не сталъ отвѣчать. Онъ слишкомъ былъ согласенъ, что все было фальшь въ томъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ“...

Въ самомъ дѣлѣ, предпочтеніе такъ называемой народной медицинѣ и народнымъ лекарямъ оказываютъ не только простые люди, но и интеллигентные. Почему это? Врачи говорятъ, что офицеры и полковники могутъ быть такъ же невѣжественны, какъ и простой народъ, и только этимъ

объясняется предпочтеніе знахарей дипломированнымъ врачамъ. Но вѣдь въ вопросахъ здоровья люди руководятся опытомъ больше, чѣмъ во многихъ другихъ вопросахъ жизни, и, несомнѣнно, что именно на основаніи опыта вырабатывается у человѣка то или иное отношеніе къ медицинѣ. А опытъ показываетъ, что научная медицина иногда не помогаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда помогаетъ народная. Чтобы увѣрить, какъ это дѣлаютъ врачи, что вѣра въ народную медицину основана лишь на одномъ невѣжествѣ, надо отвергнуть тотъ общеизвѣстный фактъ, что научная медицина не только черпала много средствъ и способовъ леченія изъ медицины народной, но что исторически научная медицина прямо вытекаетъ изъ народной, далеко еще не изученной вполнѣ. Если бы врачи, вмѣсто пренебрежительнаго отношенія къ народной медицинѣ, старательно изучали ее, то отзывъ дяди Ерошки не казался бы имъ лишь голосомъ грубаго невѣжды, сплошнымъ „вздоромъ“.

И дядя Ерошка, и офицеры, и купцы, и священники, и многіе врачи не вѣрятъ въ медицину, и они настолько же правы, насколько виновата слабая, неусовершенствованная, не внушающая къ себѣ довѣрія и мало общающаяся научная медицина нашего времени.

III.

Въ „Набѣгѣ“ смертельно раненый молодой прапорщикъ Аланинъ лежитъ на носилкахъ. „Подѣхалъ капитанъ. Онъ пристально посмотрѣлъ на раненаго, и на всегда равнодушно-холодномъ лицѣ его выразилось искреннее сожалѣніе“.

— „Что, дорогой мой Анатолій Ивановичъ,—сказалъ онъ голосомъ, звучащимъ такимъ нѣжнымъ участіемъ, какого я не ожидалъ отъ него:—видно такъ Богу угодно“.

„Раненый оглянулся; блѣдное лицо его оживилось печальною улыбкой“.

— „Да, васъ не послушался“.

— „Скажите лучше, такъ Богу угодно,—повторилъ капитанъ“.

Какъ это естественно и хорошо. Какъ этотъ „равнодушно-холодный“ (хотя очень

добрый въ душѣ) человѣкъ сдѣлалъ именно то, что могло оживить больного, облегчить его, смягчить предсмертныя думы.

Но вотъ подошелъ врачъ. Въ молодости, въ университетѣ, онъ изучалъ психологію больного человѣка, учился специально тому, какъ надо обращаться съ больными, чтобы доставлять имъ утѣшеніе или, по крайней мѣрѣ, не причинять ненужныхъ страданій—ни физическихъ, ни нравственныхъ. И нужно видѣть, какъ безтактенъ этотъ вышколенный специалистъ сравнительно съ капитаномъ Хлоповымъ, котораго искусству участія къ больному учило только его доброе сердце.

„Пріѣхавшій докторъ принялъ отъ фельдшера бинты, зондъ и другую принад-

лежность и, засучивая рукава, съ ободрительною улыбкой подошелъ къ раненому“.

— „Что, видно, и вамъ сдѣлали дырочку на цѣломъ мѣстѣ?—сказалъ онъ шутливо-небрежнымъ тономъ. — Покажите-ка“.

„Прапорщикъ повиновался; но въ выраженіи, съ которымъ онъ взглянулъ на веселаго доктора, были удивленіе и упрекъ, которыхъ не замѣтилъ этотъ послѣдній. Онъ принялся зондировать рану и осматривать ее со всѣхъ сторонъ но, выведенный изъ терпѣнія, раненый съ тяжелымъ стономъ отодвинулъ его руку“...

— „Оставьте меня!—сказалъ онъ чуть слышнымъ голосомъ:—все равно, я умру“.

Черезъ пять минутъ прапорщикъ дѣйствительно умеръ.

Въ этой сценѣ поражаетъ невѣжество врача, не умѣющаго подойти къ больному, рисующагося своимъ ободряющимъ видомъ, но не умѣющаго дѣйствительно ободрить больного и мучающаго его безъ всякой нужды, по привычкѣ. Удивленіе и упрекъ умирающаго прапорщика передаются и читателю, который невольно думаетъ: можно быть веселымъ, если ужъ весело, но не зачѣмъ говорить больному глупостей, если не умѣешь сказать чего-нибудь умѣстнаго; да не мѣшало бы осторожнѣе ковырять рану, особенно когда это вовсе не нужно.

Врачи считаютъ, что больному весьма пріятно видѣть ихъ веселое и улыбающееся лицо; и съ шаблонной улыбкой и плоскими шуточками они переходятъ отъ одного больного къ другому. Эта улыбка скоро дѣлается привычной, принашивается и въ концѣ концовъ только она одна и остается, только она, не согрѣтая внутреннимъ чувствомъ, и опредѣляетъ отношеніе врача къ больному. Нужно ли говорить, что шаблонъ исключаетъ всякое сердечное участіе и что „ободряющая“ улыбка врача, подобно плачу нанятой плакальщицы, далеко не на всѣхъ производитъ желательное вліяніе, но часто вызываетъ въ больномъ лишь „удивленіе и упрекъ“... Отсутствіе истиннаго челевѣческаго участія, любви къ больному, или хотя бы серьезнаго отношенія къ нему, нельзя замаскировать шаблонной улыбкой и готовыми плоскими островами и прибаутками.

Но, конечно, лучше прибаутки и шутливо-небрежное отношеніе къ больному, чѣмъ то, которое приходится видѣть въ отношеніяхъ врачей къ простому челоуку, когда, какъ у Чехова, прежде чѣмъ подать больному помощь, врачъ „перебираетъ чертей“, а то и просто гонитъ вонъ. Лучшее ужъ первое, чѣмъ послѣднее, если такъ трудно для врачей установить къ больному просто серьезное и сердечное челоуческое отношеніе. Въ частной практикѣ, за повизитную плату, врачи улыбаются; когда служатъ за жалованье, то, бываетъ, не стѣсняясь, „перебираютъ чертей“; когда же такой врачъ соединяетъ въ себѣ эти оба рода практики, то можно видѣть, какъ онъ улыбается въ одномъ мѣстѣ и „перебираетъ чертей“ въ другомъ.

Часто приходится поражаться, какъ врачи, посвятившіе свою жизнь болнымъ людямъ и доставленіе имъ нравственнаго утѣшенія принципиально считающіе одною изъ задачъ своей дѣятельности, не могутъ достаточно понять, что больные больше всего любятъ серьезное къ нимъ отношеніе, „любятъ видѣть челоуческое сочувствующее лицо, любятъ рассказать про свои страданія и услышать слова любви и участія“ („Севастополь“). Не могутъ и не хотятъ врачи понять, что такого отношенія къ больнымъ нельзя замѣнить шаблонной „ободряющей“ улыбкой и, вообще, внѣшней рисовкой, безъ внутренняго сочувствія, безъ любви и искренняго участія.

Въ повѣсти „Поликушка“ есть любопытная и глубоко вѣрная параллель. Хотя повѣсть написана въ 1860 году, но въ ней Толстой уже высказываетъ тотъ взглядъ на медицину и ея дѣятелей, который впослѣдствіи онъ развилъ съ такою подробностью и опредѣленностью.

„Поликей былъ коноваль... Какъ онъ вдругъ сдѣлался коноваломъ, это никому не было извѣстно и еще меньше ему самому... Но въ послѣднее пребываніе его дома какъ то понемногу стала распространяться репутація его необычнаго, даже нѣсколько сверхъестественнаго коновальскаго искусства. Онъ пустилъ кровь—разъ, другой, потомъ повалилъ лошадь и поковырялъ ей что-то въ ляжкѣ, потомъ по-

требовалъ, чтобы завели лошадь въ станокъ, и сталъ ей рѣзать стрѣлку до крови, не смотря на то, что лошадь билась и даже визжала,—и сказалъ, что это значитъ „спускать подкопытную кровь“. Потомъ онъ объяснилъ мужику, что необходимо бросить кровь изъ обѣихъ жилъ, „для большей легкости“, и сталъ бить колотушкой по тупому ланцету; потомъ подъ брюхомъ дворниковой лошади передернулъ покрывку отъ женина головного платка. Наконецъ, сталъ присыпать купоросомъ всякія болячки, мочить изъ склянки и давать иногда внутрь, что вздумается. И чѣмъ больше онъ мучилъ и убивалъ лошадей, тѣмъ больше ему вѣрили и тѣмъ больше водили къ нему лошадей“.

„Я чувствую,—продолжаетъ Толстой,—что нашему брату, господамъ, не совсѣмъ прилично смѣяться надъ Поликеемъ. Пріемы, которые онъ употреблялъ для внушенія довѣрія, тѣ же самые, которые дѣйствовали на нашихъ отцовъ, на насъ и нашихъ дѣтей будутъ дѣйствовать. Мужикъ, брюхомъ навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и съ вѣрой и ужасомъ глядящій на значительно-нахмуренное лицо Поликея и его тонкія, засученныя руки, которыми онъ нарочно жметъ именно то мѣсто, которое болитъ, и смѣло рѣжетъ жи-

вое тѣло, съ затаенною мыслью: „куда кривая не вынесетъ“—и показывая видъ, что онъ знаетъ гдѣ кровь, гдѣ матерія, гдѣ сухая, гдѣ мокрая жила, а въ зубахъ держитъ цѣлительную тряпку или склянку съ купоросомъ,—мужикъ этотъ не можетъ представить себѣ, чтобы у Поликея поднялась рука рѣзать не зная. Самъ онъ не могъ бы этого сдѣлать. А какъ скоро разрѣзано, онъ не упрекнетъ себя за то, что далъ напрасно рѣзать. Не знаю какъ вы,—говоритъ Толстой,—а я испытывалъ съ докторомъ, мучившимъ по моей просьбѣ людей близкихъ моему сердцу, точъ-въ-точъ то же самое. Ланцетъ и таинственная бѣлесовая склянка съ сулемой, и слова: чильчакъ, почечуй, спускать кровь, матерею и т. п.—развѣ не тѣ же нервы, ревматизмы, организмы и т. п.? *Wage du zu irren und zu träumen*—это не столько къ поэтамъ относится, сколько къ докторамъ и коноваламъ“.

А черезъ 25 лѣтъ, какъ мы видѣли, о дѣятеляхъ науки Толстой, между прочимъ, пишетъ: „... тѣмъ болѣе и болѣе усваиваютъ они себѣ специальный научный жаргонъ условныхъ выраженій, не имѣющихъ общечеловѣческаго значенія; тѣмъ дальше и дальше заходятъ они въ дебри ничѣмъ не освѣщенныхъ наблюденій... И точно также, по мѣрѣ оглупѣнія, приобретаютъ самоувѣренность“...

IV.

Въ „Войнѣ и мирѣ“ знаменитый петербургскій докторъ Lorain—граціозный, рисующійся, хвастливый, самоувѣренный и самодовольный.

— „Еще можетъ дотянуть до завтрашняго утра?—спросилъ у него нѣмецъ-докторъ о старомъ графѣ Безухомъ“.

„Лорренъ, поджавъ губы, строго и отрицательно помахалъ пальцемъ передъ своимъ носомъ“.

— „Сегодня ночью, не позже,—сказалъ онъ тихо, съ приличною улыбкой самодовольства въ томъ, что ясно умѣетъ понимать и выражать положеніе больного, и отошелъ“.

А за минуту передъ этимъ Лорренъ говорилъ княжнѣ:

— „Возьмите стаканъ отварной воды и положите щепотку (онъ своими полными пальцами показалъ, что значитъ щепотка) кремортартара“...

И говорилъ онъ это, задумавшись и глядя на часы, съ такимъ видомъ, точно отъ этого зависѣла жизнь больного.

Когда князь Андрей, уѣзжая въ армию, просилъ отца послать въ Москву за акушеромъ, когда женѣ придетъ время родить, „старый князь остановился и, какъ бы не понимая, уставился строгими глазами на сына“.

— „Я знаю, что никто помочь не можетъ, коли натура не поможетъ,—говорилъ князь Андрей, видимо смущенный;—согла-

сень, что изъ миллиона случаевъ одинъ бываетъ несчастный, но это ея и моя фантазія“...

Описаніе родовъ у княгини Болконской передано съ замѣчательной художественностью, но мастерской рисунокъ законченъ грустнымъ, трагическимъ финаломъ.

„Дверь отворилась. Докторъ съ засученными рукавами рубашки, безъ сюртука, блѣдный и съ трясущеюся челюстью, вышелъ изъ комнаты. Князь Андрей обратился къ нему, но докторъ растерянно взглянулъ на него и, ни слова не сказавъ, прошелъ мимо. Женщина выбѣжала и, увидавъ князя Андрея, замаялась на порогѣ. Онъ вошелъ въ комнату жены. Она лежала мертвая.“

Не случайно, смерть маленькой княгини оправдываетъ взглядъ няни Саввишны: „Богъ помилуетъ, никогда дохтура не нужны“, и слова Андрея Болконскаго, выразившія взглядъ стараго князя: „никто помочь не можетъ, коли натура не поможетъ“. То, что Саввишна опредѣляетъ словами „Богъ помилуетъ“, а Волконскій—„натура поможетъ“, та внутренняя сила, заложенная въ человѣкѣ, не поддающаяся современно-научному опредѣленію, не понятная для медицины, управляемая неизвѣстными ей законами, создавшая въ медицинѣ лишь цѣлую терминологию ничего не объясняющихъ словъ (предрасположеніе, реакція, идіосинкразія...),—эта внутренняя сила имѣетъ неизмѣримо большее значеніе, чѣмъ всѣ изобрѣтенные человѣческимъ, односторонне направленнымъ умомъ приемы и лекарства.

Толстой не только не „смѣется надъ медициной“, но, какъ старый князь Болконскій, онъ называетъ ее „благодѣтельнымъ дѣломъ“ („Севастополь“), онъ заставляетъ князя Андрея выписать въ Богучарово ученую бабку для помощи родильницамъ, онъ находитъ нужнымъ создать медицину для народа... („О назначеніи науки и искусства“). Но въ то же время, цѣлымъ рядомъ своихъ художественныхъ, публицистическихъ и философскихъ произведеній, Толстой доказываетъ, что истинная медицина должна быть совсѣмъ не такою, какая существуетъ въ наше время, совсѣмъ другою. И онъ настойчиво и беспощадно совлекаетъ господству-

ющую медицину съ того пьедестала, который она незаслуженно заняла, лишаетъ ее того ореола, которымъ ее такъ старательно облачаютъ кормящіеся ею врачи; онъ доказываетъ, что внѣшній блескъ, самоувѣренность и самодовольство медицины и ея дѣятелей не имѣютъ подъ собою твердой почвы, а основаны на миражахъ и лжи, и лишь заслоняютъ внутреннее убожество.

Когда подъ Аустерлицемъ князь Андрей Болконскій былъ раненъ, самъ Наполеонъ принялъ въ немъ участіе и приказалъ, чтобы раненый былъ осмотрѣнъ его личнымъ врачомъ Ларреемъ.

— „Этотъ субъектъ нервный и желчный,—сказалъ Ларрей:—онъ не выздоровѣетъ.—Князь Андрей, въ числѣ другихъ безнадежныхъ раненыхъ, былъ сданъ на попеченіе жителей“.

Однако, личный врачъ Наполеона, конечно самый выдающійся изъ тогдашнихъ ученыхъ врачей Франціи, грубо ошибся: князь Андрей выздоровѣлъ. „Богъ ли помиловалъ“, „натура ли помогла“, или, быть можетъ, простые деревенскіе жители въ большей степени, чѣмъ знаменитый придворный врачъ, понимали и направляли ту силу, которая вылечиваетъ лучше всякихъ лекарствъ, но князь Андрей, вопреки приговору Ларрея, жилъ еще много лѣтъ, отъ Аустерлица до Бородино...

— „Я знаю въ жизни только два дѣйствительныя несчастія: угрызеніе совѣсти и болѣзнь—говорилъ, между прочимъ, князь Андрей въ разговорѣ съ Пьеромъ“.

И это глубоко вѣрно. Со временъ грѣхопаденія люди страдаютъ только отъ этихъ двухъ несчастій. И какъ причина обоихъ несчастій была одна—грѣхъ, такъ и лекарство должно быть общее: правильная жизнь, согласная съ истинными религіозно-нравственными началами и правильно понятыми законами природы. Человѣчество слишкомъ ушло отъ такой правильной жизни,—и болѣзнь его совѣсти не можетъ успокоить современная матеріалистическая философія, какъ не можетъ излечить его физическихъ страданій господствующая медицина.

— „Какое же зло и заблужденіе въ томъ,—оправдываясь въ своихъ убѣжденіяхъ, говорилъ, между прочимъ, Пьеръ,—что люди умираютъ отъ болѣзни безъ по-

мощи, когда такъ легко матеріально помочь имъ, и я имъ дамъ лекаря, и больницу, и пріютъ старику?..."

Отвѣчая на слова Пьера, Болконскій говоритъ:

"...Третье... что бишь еще ты сказалъ?— Князь Андрей загнулъ третій палецъ.— Ахъ, да, больницы, лекарства. У него ударъ, онъ умираетъ, а ты пустилъ ему кровь, вылечилъ. Онъ калѣкой будетъ ходить десять лѣтъ, всѣмъ въ тягость. Гораздо покойнѣй и проще ему умереть. Другіе родятся, и такъ ихъ много. Ежели бы ты жалѣлъ, что у тебя лишній работникъ пропалъ, какъ я смотрю на него, а ты изъ

любви же къ нему его хочешь лечить. А ему этого не нужно. Да и потомъ, что за воображеніе, что медицина кого-нибудь когда-нибудь вылечивала! Убивать—такъ,—сказалъ онъ, злобно нахмурившись и отвернувшись отъ Пьера".

"Князь Андрей высказывалъ свои мысли такъ ясно и отчетливо, что, видно было, онъ не разъ думалъ объ этомъ"...

Въ заключительныхъ словахъ князя Андрея уже слышится тотъ гнѣвный отзывъ о медицинѣ, который съ такой крайней рѣзкостью высказанъ Толстымъ въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ.

V.

Весьма подробно описана у Толстого болѣзнь Наташи Ростовой.

Наташа—физически здоровая и вполне развившаяся, молодая русская дѣвушка. У нея всѣ задатки для чистой любви, для честной супружеской жизни. Но здоровая, молодая животная страсть, страсть будущей „сильной, плодovитой самки“, бьетъ въ ней черезъ край. Жениха своего, князя Андрея, она очень высоко цѣнитъ, относится къ нему съ величайшимъ уваженіемъ и любитъ серьезно и глубоко. Но вотъ, во время продолжительной и томительной для Наташи отлучки жениха, на жизненномъ пути ея встрѣчается молодой красавецъ, давній развратникъ и шалопай, Анатолий Курагинъ. Какъ могла хорошая, чистая Наташа увлечься этимъ фатомъ и негодяемъ? Это было удивительнымъ для всѣхъ и еще болѣе, потомъ, для самой Наташи. Но это нисколько не удивительно для такого великаго психолога, какъ Толстой: заглядывая въ душу молодой дѣвушки съ изумительной проникновенностью, отмѣчая тончайшія движенія проснувшейся молодой страсти, ищущей выхода, Толстой дѣлаетъ понятнымъ для читателя этотъ эпизодъ въ жизни Наташи.

„Уже въ первый вечеръ знакомства съ Наташей, Анатолий „не спускалъ улыбающихся глазъ съ лица, съ шеи, съ оголенныхъ рукъ Наташи. Наташа несомнѣнно знала, что онъ восхищается ею. Ей бы-

ло это пріятно, но почему-то ей тѣсно и тяжело становилось отъ его присутствія. Когда она не смотрѣла на него, она чувствовала, что онъ смотрѣлъ на ея плечи, и она невольно перехватывала его взглядъ, чтобы онъ уже лучше смотрѣлъ на ея глаза. Но глядя ему въ глаза, она со страхомъ чувствовала, что между нимъ и ею совсѣмъ нѣтъ той преграды стыдливости, которую она всегда чувствовала между собой и другими мужчинами. Она, сама не зная какъ, черезъ пять минутъ чувствовала себя страшно близкою къ этому челоvѣку. Когда она отворачивалась, она боялась, какъ бы онъ сзади не взялъ ее за голую руку, не поцѣловалъ бы ее въ шею. Они говорили о самыхъ простыхъ вещахъ и она чувствовала, что они близки, какъ она никогда не была съ мужчиною... Наташѣ постоянно казалось, что что-то неприличное она дѣлаетъ, говоря съ нимъ... Она прямо въ глаза взглянула ему, и его близость, и увѣренность, и добродушная ласковость улыбки побѣдили ее. Она улыбнулась точно такъ же, какъ и онъ, глядя прямо въ глаза ему. И опять она съ ужасомъ чувствовала, что между нимъ и ею нѣтъ никакой преграды... Наташа вернулась къ отцу въ ложу, совершенно уже подчиненная тому міру, въ которомъ она находилась. Все, что происходило передъ тѣмъ, уже казалось ей вполне естественнымъ; но зато всѣ прежнія мысли ея о

женихъ, о княжнѣ Марьѣ, о деревенской жизни ни разу не пришли ей въ голову, какъ будто все то было давно, давно прошедшее“...

Тотъ, кто такъ проникновенно заглядываетъ во всѣ извилины человѣческой души, кто такъ вѣрно понимаетъ и уясняетъ себѣ „анамнезъ“ болѣзни, тотъ не можетъ не знать, лучше всѣхъ врачей въ мірѣ, какое лекарство можетъ помочь больному. И дѣйствительно, въ сравненіи съ Толстымъ, — „однимъ изъ самыхъ лучшихъ учителей въ медицинѣ“, — такъ же ясно понимающимъ „способы леченія“, какъ и причину болѣзни, какими смѣшными, жалкими, ничтожными являются всѣ тѣ ученые врачи, которые лечили Наташу порошками, микстурами, каплями!

Послѣ бурнаго порыва страсти, въ которомъ Наташа едва не погубила себя, наступилъ переломъ, сознание вернулось; Наташа увидѣла весь ужасъ того, что хотѣла сдѣлать, почувствовала страшный стыдъ передъ собой, передъ женихомъ, передъ всѣми; ее охватило чувство обиды, разочарованія, раскаянія. Все это было причиной сильнаго душевнаго страданія, внѣшнимъ образомъ выразившагося физической болѣзнью, которую одну только и видѣли передъ собой ученые врачи.

Наташа „не ѣла, не спала, замѣтно худѣла, кашляла и была, какъ давали чувствовать доктора, въ опасности“...

„Доктора ѣздили къ Наташѣ и отдѣльно и консилиумами, говорили много по-французски, и по-нѣмецки, и по-латыни, осуждали одинъ другого, прописывали самыя разнообразныя лекарства отъ всѣхъ имъ извѣстныхъ болѣзней; но ни одному изъ нихъ не приходила въ голову та простая мысль, что имъ не можетъ быть извѣстна та болѣзнь, которою страдала Наташа, какъ не можетъ быть извѣстна ни одна болѣзнь, которою одержимъ живой человѣкъ; ибо каждый живой человѣкъ имѣетъ свои особенности и всегда имѣетъ особенную и свою новую сложную, неизвѣстную медицинѣ болѣзнь, *) не болѣзнь

легкихъ, печени, кожи, сердца, нервовъ и т. д., записанную въ медицинѣ, но болѣзнь, состоящую изъ одного изъ безчисленныхъ соединеній въ страданіяхъ этихъ органовъ. Эта простая мысль не могла приходить докторамъ (такъ же, какъ не можетъ колдуну въ голову придти мысль, что онъ не можетъ колдовать) потому, что ихъ дѣло жизни состояло въ томъ, чтобы лечить, потому, что за то они получали деньги, и потому, что на это дѣло они потратили лучшіе годы своей жизни. Но главное, мысль эта не могла придти докторамъ потому, что они видѣли, что они несомнѣнно полезны, и были дѣйствительно полезны для всѣхъ домашнихъ Ростовыхъ. Они были полезны не потому, что заставляли больную проглатывать большую часть вредныхъ веществъ (вредъ этотъ былъ мало чувствителенъ потому, что вредныя вещества давались въ маломъ количествѣ), но они полезны, необходимы, неизбежны были (причина — почему всегда есть и будутъ мнимые излечители, ворожеи, гомеопаты, аллопаты) потому, что они удовлетворяли нравственной потребности больной и людей, любящихъ больную. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой потребности сочувствія и дѣятельности, которыя испытываетъ человѣкъ во время страданій. Они удовлетворяли той вѣчной человѣческой — въ ребенкѣ замѣтной въ самой первобытной формѣ — потребности потерять то мѣсто, которое ушиблено. Ребенокъ убьется и тотчасъ же бѣжитъ въ руки матери, няньки, для того чтобы ему поцѣловали и потерли больное мѣсто, и ему дѣлается легче, когда больное мѣсто потрутъ или поцѣлуютъ. Ребенокъ не вѣритъ, чтобы у сильнѣйшихъ и мудрѣйшихъ его не было средства помочь его боли. И надежда на облегченіе, и выраженіе сочувствія въ то время, какъ мать третъ его спинку, утѣшаетъ его. Доктора для Наташи были полезны тѣмъ, что они цѣловали и терли *бо-бо*, увѣряя, что сейчасъ пройдетъ, ежели кучеръ съѣздитъ въ Арбатскую аптеку и возьметъ на рубль семь гривенъ порошковъ и пилюль въ хорошенькой коробочкѣ и ежели порошки эти, непременно черезъ два часа, никакъ не больше и не меньше, будетъ въ отварной водѣ принимать больная“.

*) Любопытно, что, напр., *Вересаевъ*, какъ врачъ, говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ не только то же самое, но тѣми же словами: „каждый новый больной представляетъ собою новую, неповторяющуюся болѣзнь, чрезвычайно сложную и запутанную“ (Стр. 196, изд. 1902 г.).

Такі вотъ въ чемъ сила медицины! Въ этомъ смыслѣ роль врачей почтенна, благодѣтельна, но въ этой роли наука уже не имѣетъ первостепеннаго значенія, и нравственныя свойства врача здѣсь предпочтительны передъ научными знаніями. Если бы врачи понимали эту свою роль, а понявъ, не брезгали ею, спустились бы съ научныхъ высей, предпочли бы наукѣ—человѣка, они были бы полезнѣе для больныхъ; изошрению въ прописываніи новыхъ и новѣйшихъ химическихъ ядовъ, ежедневно изобрѣтаемыхъ такъ называемой фармаціей, они предпочли бы затрачивать свои силы на изученіе того, какъ лучше и безвреднѣе можно утѣшить, облегчить больного, ободрить его, понять его внутреннее состояніе и использовать его для больного.

Врачи сами признаютъ ненужность и вредъ огромнѣйшаго большинства фармацевтическихъ средствъ, сознаютъ, что всякіе фенацетины, хлораль-гидраты, антипирины, валидоли, тіоколы, тигенолы и пр. и пр. „обесиливаютъ больного, разшатываютъ его организмъ, отучаютъ его отъ способности самостоятельно бороться съ болѣзнями“ (*Вересаевъ*). И въ то же время никогда еще не было этихъ средствъ такъ

много, какъ теперь, и количество ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается.

Врачи прописываютъ эти яды якобы въ угоду больнымъ, не считающимъ за врачей тѣхъ, которые уходятъ отъ больного, не написавъ рецепта въ аптеку. Но если даже допустить невозможное—что не врачи, а публика виновата въ существованіи этого страшнаго потока химическихъ ядовъ всевозможныхъ наименованій, поглощаемыхъ больными по рецептамъ врачей,—то развѣ роль врача поддерживать суевѣріе, а не бороться съ нимъ? И кто же можетъ согласиться, что не сами врачи привили публикѣ эту вѣру въ порошки и капли и что не они поддерживаютъ ее умышленно, и въ наше время стараются привить ее простому народу?

Ничего нѣтъ легче, какъ сдѣлать видъ, что „обладаешь полною истиною“ и написать рецептъ; это гораздо легче, чѣмъ постараться дѣйствительно понять больного и болѣзнь и оказать ему дѣйствительную пользу или утѣшеніе. Вотъ почему фармацевтическая медицина, вопреки самому простому здравому смыслу, завоевала такое широкое господство; и только поэтому ей, не смотря на бессмыслицу и вредъ ея, предстоитъ блестящая и продолжительная будущность...

VI.

Итакъ, врачи удовлетворяютъ потребности не только больныхъ, но и окружающихъ, т. е. здоровыхъ.

„Что же бы дѣлали Соня, графъ и графиня, какъ бы они смотрѣли ничего не предпринимая, ежели бы не было этихъ пилюль по часамъ, питья тепленькаго, куриной котлетки всѣхъ подробностей жизни, предписанныхъ докторомъ, соблюдать которыя составляло занятіе и утѣшеніе для окружающихъ? Какъ бы переносилъ графъ болѣзнь своей любимой дочери, ежели бы онъ не зналъ, что ему стоила тысяча рублей болѣзнь Наташи, и что онъ не пожалѣетъ еще тысячу, чтобы сдѣлать ей пользу,—ежели бы онъ не зналъ, что ежели она не поправится, онъ не пожалѣетъ и еще тысячу и повезетъ ее за границу и тамъ сдѣлаетъ консилиумъ; ежели бы онъ не

имѣлъ возможности рассказывать подробности о томъ, какъ Метивье и Феллеръ не поняли, а Фризь понялъ и Мудровъ еще лучше опредѣлилъ болѣзнь? Что бы дѣлала графиня, ежели бы она не могла иногда ссориться съ больною Наташей за то, что она не вполнѣ соблюдала предписанія доктора?“

— „Этакъ никогда не выздоровѣешь,—говорила она, подъ досадой забывая свое горе,—ежели ты не будешь слушаться доктора и не во-время принимать лекарство! Вѣдь нельзя шутить этимъ, когда у тебя можетъ сдѣлаться пневмонія,—говорила графиня, и въ произношеніи этого непонятнаго не для нея одной слова она уже находила большое утѣшеніе. Что бы дѣлала Соня, ежели бы у нея не было радостнаго сознанія того, что она первое

время не раздѣвалась три ночи для того, чтобы быть наготовѣ исполнять въ точности всѣ предписанія доктора, и что она теперь не спитъ ночи для того, чтобы не пропустить часы, въ которые надо давать мало вредныя пилюли изъ золотой коробочки? Даже самой Наташѣ, которая хотя и говорила, что никакія лекарства не вылечатъ ея и что все это глупости,—и ей было радостно видѣть, что для нея дѣлали такъ много пожертвованій, что ей надо было въ извѣстные часы принимать лекарства. И даже ей радостно было то, что она, пренебрегая исполненіемъ предписаннаго, могла показывать, что она не вѣрить въ леченіе и не дорожить своею жизнью“.

„Докторъ ѣздилъ каждый день, щупалъ пульсъ, смотрѣлъ языкъ и, не обращая вниманія на ея убитое лицо, шутилъ съ нею. Но зато, когда онъ выходилъ въ другую комнату, графиня поспѣшно выходила за нимъ, и онъ, принимая серьезный видъ и покачивая задумчиво головой, говорилъ, что хотя и есть опасность, онъ надѣется на дѣйствіе этого послѣдняго лекарства, и что надо ждать и посмотрѣть; что болѣзнь больше нравственная, но“...

Здѣсь Толстой ставитъ многоточіе, предоставляя самому читателю изумляться тому сознательному надувательству, имѣющему всѣ признаки ученаго шарлатанства, съ которымъ врачъ, зная, что болѣзнь больше нравственная, тѣмъ не менѣе прописываетъ, въ угоду суевѣрію окружающихъ больную, все новыя и новыя лекарства. А пристрастіе къ прописыванію лекарствъ имѣютъ почти всѣ врачи, при чемъ почти всѣ они въ душѣ сами не вѣрятъ въ пользу этихъ лекарствъ.

И какъ же было этому доктору не прописывать больной маловредныхъ и даже, по его понятію, ненужныхъ лекарствъ, какъ ему было не потакать суевѣрію графини, когда она каждый разъ, „стараясь скрыть этотъ поступокъ отъ себя и отъ доктора, всовывала ему въ руку золотой...“?

„Признаки болѣзни Наташи состояли въ томъ, что она мало ѣла, мало спала, кашляла и никогда не оживлялась. Доктора говорили, что больную нельзя оставлять безъ медицинской помощи, и поэтому въ душномъ

воздухѣ держали ее въ городѣ. И лѣто 1812 года Ростовы не уѣзжали въ деревню“.

Понимая въ совершенствѣ истинныя причины и характеръ болѣзни Наташи, зная, насколько наивно и неумѣстно было вмѣшательство врачей съ ихъ лекарствами, Толстой имѣлъ полное основаніе сказать:

„Не смотря на большое количество проглоченныхъ пилюль, капель и порошковъ изъ баночекъ и коробочекъ, изъ которыхъ мадамъ Шоссъ, охотница до этихъ вещей, собрала большую коллекцію, не смотря на отсутствіе привычной деревенской жизни, молодость брала свое: горе Наташи начало покрываться слоемъ впечатлѣній прожитой жизни, оно перестало такою мучительною болью лежать ей на сердцѣ, начинало становиться прошедшимъ, и Наташа стала физически оправляться“.

Все же Наташа была еще больна.

„Она была спокойнѣе, но не веселѣе. Она не только избѣгала всѣхъ внѣшнихъ условій радости: баловъ, катанья, концертовъ, театра,—она ни разу не смѣялась такъ, чтобы изъ-за смѣха ея не слышны были слезы. Она не могла пѣть. Какъ только начинала она смѣяться или пробовала одна сама съ собой пѣть, слезы душили ее“...

Но вотъ къ Ростовымъ пріѣхала ихъ Отраденская сосѣдка—Бѣлова.

„Она предложила Наташѣ говѣть, и Наташа съ радостью ухватилась за эту мысль. Не смотря на запрещеніе докторовъ выходить рано утромъ, Наташа настояла на томъ, чтобы говѣть... Графинѣ понравилось это усердіе Наташи; она въ душѣ своей, послѣ безуспѣшнаго медицинскаго леченія, надѣялась, что молитва поможетъ ей больше лекарствъ, и хотя со страхомъ, и скрывая отъ доктора, но согласилась на желаніе Наташи... Наташа съ Бѣловой становилась на привычное мѣсто предъ иконою Божіей Матери, вдѣланной въ задъ лѣваго клироса, и новое для Наташи чувство смиренія предъ великимъ, непостижимымъ, охватывало ее, когда она въ непривычный часъ утра, глядя на черный ликъ Божіей Матери, освѣщенный и свѣчами, горѣвшими предъ нимъ, и свѣтомъ утра, падавшимъ изъ окна, слушала звуки службы, за которыми она старалась слѣдить, пони-

мая ихъ... Наташа испытывала новое для нея чувство возможности исправленія себя отъ своихъ пороковъ и возможности новой, чистой жизни и счастья. Въ продолженіе всей недѣли, въ которую она вела эту жизнь, чувство это расло съ каждымъ днемъ. И счастье пріобщиться представлялось ей столь великимъ, что ей казалось, что она не доживетъ до этого блаженнаго воскресенья. Но счастливый день наступилъ, и когда Наташа, въ это памятное для нея воскресенье, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ вернулась отъ причастія, она въ первый разъ послѣ многихъ мѣсяцевъ почувствовала себя спокойной не тяготящеюся жизнью, которая ей предстояла.

Здѣсь, въ описаніи выздоровленія Наташи, Толстой сопоставилъ двѣ силы, находящіяся въ наше время въ совершенномъ противорѣчій: религію и науку. И насколько истинное религіозно-нравственное чувство представляетъ изъ себя дѣйствительную и огромную силу, настолько же кажется ничтожнымъ, жалкимъ, пустымъ тотъ „дрянной обманъ“, который въ наше время называется медициной, и то „всеоружіе знаній“, которымъ, не стѣсняясь, такъ заносчиво гордятся современные врачи..

Наташа выздоровѣла, и Толстой настолько открылъ глубочайшіе тайники ея души, что весь процессъ ея выздоровленія представляется вполне яснымъ. Тѣмъ болѣе понятна для читателя острая иронія Толстого, который заканчиваетъ исторію болѣзни Наташи такимъ образомъ:

„Пріѣзжавшій въ этотъ день (воскресенье, когда пріобщалась Наташа) докторъ осмотрѣлъ Наташу и велѣлъ продолжать тѣ послѣдніе порошки, которые онъ прописалъ двѣ недѣли тому назадъ“.

— „Непремѣнно продолжать утромъ и вечеромъ,—сказалъ онъ, видимо добросовѣстно довольный своимъ успѣхомъ.— Только пожалуйста, аккуратнѣе. Будьте покойны, графиня,—сказалъ шутливо докторъ, въ мягкость руки ловко подхватывая золотой,—скоро опять запоетъ и зарѣзвится. Очень, очень ей въ пользу послѣднее лекарство. Она очень посвѣжѣла“.

Жалкій глупецъ!—невольно думаетъ читатель о докторѣ.—Въ какихъ потемкахъ бродишь ты со всею твоею наукою. Поддерживая суевѣріе въ другихъ, ты самъ живешь въ невѣжествѣ и суевѣріи, воображая, что ты знаешь тамъ, гдѣ, въ дѣйствительности, ты не вѣдаешь, что творишь...

VII.

Съ еще большей художественной тщательностью и психологической проникновенностью описаны болѣзнь и смерть князя Андрея. И здѣсь Толстой отвелъ медицинѣ плачевную роль: не смотря на то, что больной пользовался хорошимъ уходомъ, что при немъ всегда былъ врачъ, не смотря на то, что этотъ врачъ, когда былъ твердо увѣренъ въ неизбежности смерти князя Андрея, тѣмъ не менѣе переворачивалъ раненаго такъ, что тотъ „стонать и, отъ боли во время поворачиванія, терялъ сознание и бредилъ“, не смотря на то, что когда „натура помогла“ и „дѣло жизни“ на время вспыхнуло, докторъ вѣрилъ въ возможность выздоровленія больного,—не смотря на все это, князь Андрей умеръ, и началъ онъ умирать именно тогда, когда докторъ наименѣе этого ожидалъ.

Въ князѣ Андреѣ, во время его болѣзни, съ неподражаемой ясностью изображены какъ бы двѣ жизни—тѣла и духа, существующія въ обратной, чѣмъ принято думать, взаимной зависимости. Кажется, что если бы тѣло князя Андрея еще могло жить своимъ „физическимъ порядкомъ“, то при томъ духовномъ процессѣ, который совершался въ князѣ, внутренняя, духовная его земная жизнь прекратилась бы и заставила бы тѣло перестать существовать. Когда, очнувшись послѣ раны, князь Андрей, „какъ бы освобожденный отъ гнета жизни“, пересталъ бояться смерти, отрекался отъ жизни, находилъ, что умереть лучше—физическій процессъ болѣзни шель дурно, и докторъ считалъ его положеніе безнадежнымъ; когда, послѣ появленія Наташи, къ Андрею снова вернулось сильное желаніе жизни—теченіе болѣзни

приняло другой характеръ, и докторъ сталъ надѣяться на благопріятный исходъ; наконецъ, въ Троицкой лаврѣ, послѣ сна въ присутствіи Наташи, когда „завѣса, скрывавшая до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ душевнымъ взоромъ князя Андрея и онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его“, когда онъ понялъ и почувствовалъ всѣ преимущества „смерти—пробужденія“,—съ того же дня изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ и докторъ призналъ положеніе опаснымъ, хотя, если бы даже докторъ увѣрялъ въ противномъ, Наташа видѣла, по „нравственнымъ признакамъ“, что смерть несомнѣнна и близка.

Здѣсь опять Толстой показываетъ, какъ „природа помогаетъ“ и жизнь сама себя защищаетъ“, независимо отъ лекарствъ. Врачи признаютъ вліяніе „состоянія духа больного“ на физическій процессъ болѣзни, но скажите имъ, что теченіе раны князя Андрея ухудшилось отъ того, что въ немъ совершился этотъ глубокой нравственный процессъ, а не наоборотъ—и врачи не согласятся, и, не замѣчая собственного противорѣчія, скажутъ, что душевное состояніе князя Андрея и его смерть зависѣли отъ раны, полученной при Бородино, отъ извѣстнаго теченія этой раны, отъ гнилокровія и пр.

„Не можетъ прекращаться,—говоритъ Толстой,—начатое и неоконченное движеніе жизни человѣка въ этомъ мірѣ отъ того, что у него сдѣлается нарывъ, или залетитъ бактерія, или въ него выстрѣлятъ изъ пистолета“. Но „кончается дѣло жизни—и ничто уже не можетъ остановить неперестающую гибель человѣческой животной жизни: гибель эта совершается, и одна изъ ближайшихъ, всегда окружающихъ человѣка, причинъ плотской смерти представляется намъ исключительной причиной ея“.

Это происходитъ всегда, и это же произошло съ княземъ Андреемъ.

„Докторъ, лечившій Пьера и навѣщавшій его каждый день, не смотря на то, что, по обязанности докторовъ, считалъ своимъ долгомъ имѣть видъ человѣка, каждая ми-

нута котораго драгоцѣнна для страждущаго человѣчества, засиживался часами у Пьера, рассказывая свои любимыя исторіи и наблюденія надъ нравами больныхъ вообще, и въ особенности дамъ“.

Пьеръ выздоровѣлъ, но, какъ и Наташа, какъ и всѣ выздоравливающіе у Толстого, выздоровѣлъ онъ „не смотря на то, что доктора лечили его, пускали кровь и давали пить лекарства“,—т. е. „мучили и калѣчили“, какъ думалъ о себѣ „Холстомѣръ“...

Толстой говоритъ, что Наполеонъ въ отношеніи своихъ войскъ „игралъ роль доктора, который мѣшаетъ своими лекарствами,—роль, тоторую онъ такъ вѣрно понималъ и осуждалъ“.

Это вѣрное пониманіе роли медицины и врачей, которое у Толстого высказываетъ Наполеонъ, суть слѣдующее:

— „У меня нѣтъ ни вкуса, ни обонянія,—сказалъ Наполеонъ, принимаясь къ стакану (пунша).—Этотъ насморкъ надоѣлъ мнѣ. Они толкуютъ про медицину. Какая медицина, когда они не могутъ вылечить насморка? Корвизаръ далъ мнѣ эти пастилки, но онѣ ничего не помогаютъ. Что они могутъ лечить? Лечить нельзя. Наше тѣло есть машина для жизни. Оно для этого устроено, въ этомъ состоитъ его природа. Оставьте въ немъ жизнь въ покоѣ, пускай она сама защищается: она больше сдѣлаетъ, чѣмъ когда вы будете пичкать тѣло лекарствомъ“.

Такъ, по словамъ Толстого, разсуждалъ Наполеонъ о медицинѣ сто лѣтъ тому назадъ. Но онъ былъ бы правъ и сегодня и всегда. Что „натура помогаетъ“ или „жизнь сама себя защищаетъ“ лучше лекарствъ, съ этимъ, повторяемъ, согласна и вся научная медицина, тѣмъ не менѣе изобрѣтающая эти лекарства, и всѣ врачи, съ увлеченіемъ спортсменовъ прописывающіе пастилки, капли, порошки и пр. и пр.

Въ „Аннѣ Карениной“ знаменитый потербургскій докторъ вѣрно угадалъ причину физическаго нездоровья Алексѣя Александровича, когда намекалъ правителю дѣлъ Слюдину на „постороннее давленіе“, т. е. на нравственныя причины. Но будь этотъ врачъ во сто разъ знамени-

тѣе,—что могъ онъ, со своею наукою, сдѣлать полезнаго Алексѣю Александровичу? Прописать рецептъ, діету, режимъ? Но вѣдь все это совсѣмъ не то. Дѣло въ томъ—и это совершенно ясно,—что не нравственныхъ страданій больного зависѣли отъ увеличенія печени, уменьшенія питанія и не-дѣйствительности цѣлебныхъ водъ, а, наоборотъ, физическое нездоровье находилось въ полной причинной зависимости отъ нравственного состоянія, для котораго медицина, при господствующемъ ея направленіи, бесполезна.

Если бы Алексѣй Александровичъ вдругъ получилъ увѣренность, что любовь Анны къ Вронскому лишь страшный сонъ, что, въ дѣйствительности, въ его нравственной жизни ничего не произошло, что прежняя жизнь возможна,—о, тогда безъ всякихъ цѣлебныхъ водъ, безъ помощи знаменитыхъ докторовъ и ихъ науки печень Алексѣя Александровича сама собою пришла бы въ порядокъ, питаніе поднялось бы и, вообще, физическое здоровье улучшилось бы такъ, какъ, при наличныхъ нравствен-

ныхъ условіяхъ, не улучшить его и тысячь знаменитыхъ докторовъ. И сколько не постукивай и не ощупывай такого больного, добросовѣстному и понимающему врачу остается только сознать свое полное безсиліе и свою ненужность. Струна натянута до послѣдней возможности, и достаточно налечь тяжестью пальца—она лопнетъ. Надо отпустить струну, но это не во власти доктора, какъ бы онъ ни былъ знаменитъ, какъ бы подолгу ни осматривалъ и ни ощупывалъ больного, и сколько бы ни взялъ за это денегъ.

Когда, послѣ родовъ, Анна болѣла горячкой, были доктора, акушерки, консилиумы. Всѣ признали Анну безнадежной, умирающей. Въ медицинской наукѣ уже не было средствъ помочь Аннѣ. Но „помогла природа“, „жизнь сама себя защитила“—и Анна выздоровѣла. „Дѣло жизни“ Анны еще не кончилось, въ молодомъ, здоровомъ организмѣ, очевидно, была еще большая сила жизни,—и оказались полезными или, во всякомъ случаѣ, безвредными и морфинъ, и всѣ средства, которыя примѣняли доктора.

VIII.

Болѣзнь Кити Щербацкой описана съ такою же подробностью, какъ болѣзнь Наташи Ростовы въ „Войнѣ и мирѣ“, и главныя черты страданій этихъ двухъ дѣвушекъ весьма сходны между собою.

Здѣсь Толстой также является однимъ изъ „самыхъ лучшихъ учителей въ медицинѣ“. Его діагностика, симптоматологія и терапія (какъ выражаются врачи) сдѣлала бы величайшую честь самому выдающемуся ученому медику. Поэтому и кажутся такими ничтожными тѣ знаменитые и знаменитые врачи, которые лечили Кити своими совѣтами и лекарствами.

Врачи у Толстого всегда кажутся ничтожными, наивными, ничего не знающими, не только не помогающими естественному процессу болѣзней и не понимающими его, но сплошь и рядомъ вредящими ему. Это зависитъ не отъ того, какъ хотятъ увѣрить врачи, что Толстой умышленно и пристрастно ставитъ врачей въ такое положеніе: какъ ко всѣмъ изъ рисуемыхъ

имъ лицъ, такъ и къ врачамъ, Толстой, особенно въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ, относится прежде всего съ поразительно тонкимъ чувствомъ художественной правды, которую онъ ставитъ выше всего. Врачи кажутся ничтожными у Толстого потому, что онъ самъ—величайшій медикъ, равнаго которому, пожалуй, еще не было и которому, какъ „лучшему своему учителю“, врачи могутъ только, учась, внимать съ благоговѣніемъ. До такого совершенства психологическаго анализа, до такого пониманія души здороваго и больного человѣка не доходилъ еще ни одинъ изъ ученыхъ медиковъ и не дойдетъ никогда, потому что ни въ какихъ университетахъ никого нельзя научить тому, что дается геніемъ. Какъ только что вышедшій изъ университета юный врачъ кажется неумѣлымъ и ничтожнымъ сравнительно съ умудреннымъ долгимъ опытомъ, талантливымъ и добросовѣстнымъ врачомъ-практикомъ, такъ самые мудрые

изъ медицинскихъ дѣятелей кажутся ничтожными и жалкими сравнительно съ „самымъ лучшимъ изъ учителей въ медицинѣ“. Вся наука врачей не дала еще того, что постигъ Толстой своимъ гениемъ. Въ здоровьи и въ болѣзни понимая человѣка такъ, какъ врачи понимать его не могутъ, Толстой умѣетъ передать свое откровеніе читателю, и потому отношеніе автора къ врачамъ становится и отношеніемъ къ нимъ читателя: для послѣдняго получается неотразимое впечатлѣніе ничтожества, неумѣлости, непониманія, дѣйствій неупадъ, глупыхъ, хотя всегда самоувѣренныхъ.

Читатели Толстого изъ врачей, преклоняясь передъ его творческимъ гениемъ, находятъ, что по отношенію къ врачамъ художникъ допустилъ „исключеніе“, что онъ къ нимъ пристрастенъ и пр. Но кто же можетъ отнестись къ такому объясненію творческихъ пріемовъ Толстого серьезно и съ довѣріемъ? Впрочемъ, иной оцѣнки твореній великаго писателя отъ врачей и нельзя ждать: посвятившіе на свое дѣло лучшіе годы своей жизни, видящіе въ немъ задачу этой своей жизни, они, естественно, утратили „способность понимать чужую, свѣжую, находящуюся внѣ ихъ талмуда, человѣческую мысль“. Если бы кто-нибудь изъ нихъ и захотѣлъ „поднять капюшонъ, который согрѣваетъ голову, но мѣшаетъ смотрѣть впередъ“, то на сцену выступаютъ соображенія кастовыхъ и личныхъ выгодъ, соблазнъ „правъ и преимуществъ“, сопряженныхъ съ званіемъ врача, сознание необходимости или удобства „кормиться“ около медицины и проч. И возникшее въ душѣ просвѣтлѣніе снова меркнетъ.

Врачи подобны человѣку, „стоящему въ свѣтѣ фонаря, привѣшеннаго къ столбу“: имъ свѣтло и идти имъ некуда. Толстой „несетъ фонарь передъ собою, на длинномъ шестѣ“, „поле мысли“ его совершенно свободно, и свободно и смѣло слѣдуетъ онъ по освѣщенному впереди пространству.

Кити отказала Левину, любовь котораго была „лестна и радостна ей“, отказала, увлекшись Вронскимъ, который ее не любилъ и оставилъ потомъ ради Анны. Стыдъ, отчаяніе, разочарованіе были при-

чиной жестокаго нравственнаго страданія, которое, какъ и у Наташи Ростовой, внѣшнимъ образомъ выразилось физической болѣзнию.

И вотъ, „въ концѣ зимы въ домѣ Щербацкихъ происходилъ консилиумъ, долженствовавшій рѣшить, въ какомъ положеніи находится здоровье Кити и что нужно предпринять для восстановленія ея ослабѣвающихъ силъ“.

„Она была больна, и съ приближеніемъ весны здоровье ея становилось хуже. Домашній докторъ давалъ ей рыбій жиръ, потомъ желѣзо, потомъ ляписъ; но такъ какъ ни то, ни другое, ни третье не помогало, и такъ какъ онъ совѣтовалъ отъ весны уѣхать за границу, то приглашенъ былъ знаменитый докторъ. Знаменитый докторъ, не старый еще, весьма красивый мужчина, потребовалъ осмотра больной. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ, казалось, настаивалъ на томъ, что дѣвичья стыдливость есть только остатокъ варварства и что нѣтъ ничего естественнѣе, какъ то, чтобъ еще не старый мужчина ощупывалъ молодую обнаженную дѣвушку. Онъ находилъ это естественнымъ потому, что дѣлалъ это каждый день и при этомъ ничего не чувствовалъ и не думалъ, какъ ему казалось, дурного, и поэтому стыдливость въ дѣвушкѣ онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ себѣ“.

„Надо было покориться, такъ какъ, не смотря на то, что всѣ доктора учились въ одной школѣ, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ, знали одну науку, и не смотря на то, что нѣкоторые говорили, что этотъ знаменитый докторъ былъ дурной докторъ, въ домѣ княгини и въ ея кругу было признано почему-то, что этотъ знаменитый докторъ одинъ знаетъ что-то особенное и одинъ можетъ спасти Кити“.

Что въ публикѣ однихъ врачей предпочитаютъ другимъ — это вполне разумно. Даже приготовленные „фабричнымъ способомъ“, всѣ врачи не могутъ быть одинаковыми, хотя бы потому, что не всѣ одинаково талантливы и добросовѣстны и не всѣ одинаково не вѣрятъ въ свою медицину. А въ такой неточной наукѣ, какъ медицина, личные свойства врачей имѣютъ,

конечно, большее значеніе, чѣмъ вынесенныя изъ университета „одинаковыя“ знанія, и по этимъ личнымъ, хорошимъ свойствамъ можно предпочитать однихъ врачей передъ другими.

Но мысль о безнравственности раздѣванія и ощупыванія врачами женщинъ и дѣвушекъ, повторенная затѣмъ въ „Крейцеровой сонатѣ“, имѣетъ глубокія основанія: „нравственное растлѣніе матеріализма, которое вносятъ врачи въ міръ, особенно черезъ женщинъ“, несомнѣнно, — и пониженіемъ нравственного уровня современной женщины челоѣчество въ нѣкоторой степени обязано именно медицинѣ, считающей женскую стыдливость „отсталостью“, „пережиткомъ“, „остаткомъ варварства“. Съ другой стороны, несомнѣнно, что такое отношеніе къ женщинѣ имѣетъ развращающее вліяніе и на самихъ врачей.

Теперь это „культурное“ вѣяніе, эту проповѣдь о варварскомъ происхожденіи

женской стыдливости врачи изо всей силы, во имя торжества науки надъ невѣжествомъ, стараются привить и простому народу. Но, кажется, прежде чѣмъ дѣлать это, слѣдовало бы доказать, что, цѣною пониженія нравственного уровня культурной женщины, медицинѣ удалось поднять ея физическое здоровье. Можетъ ли, однако, доказать это медицина? Напротивъ, „чѣмъ ниже, тѣмъ здоровѣе, и чѣмъ выше, тѣмъ болѣзненнѣе мужчины и женщины“. („Въ чемъ счастье?“).

Во всякомъ случаѣ, здѣсь есть надъ чѣмъ подумать, и челоѣчество должно вмѣшаться въ это дѣло врачей и серьезно обсудить его. Медицина, ради торжества „культурныхъ принциповъ“, можетъ внести опустошеніе въ нравственный міръ простой женщины (и черезъ нее — простого народа), не обезпечивъ ей, этою высокою цѣною, ея физическаго здоровья. Вопросъ огромнаго значенія!

IX.

„Послѣ внимательнаго осмотра и постукиванія растерянной и ошеломленной отъ стыда больной, знаменитый докторъ, старательно вымывъ свои руки, стоялъ въ гостиной и говорилъ съ княземъ. Князь хмурился, покашливая, слушая доктора. Онъ, какъ пожившій, неглупый и небольшой челоѣкъ, не вѣрилъ въ медицину, и въ душѣ злился на всю эту комедію, тѣмъ болѣе, что едва ли не онъ одинъ вполнѣ понималъ причину болѣзни Кити. „То-то пустобрехы!“ думалъ онъ, примѣняя въ мысляхъ это названіе изъ охотничьяго словаря къ знаменитому доктору и слушая его болтовню о признакахъ болѣзни дочери. Докторъ, между тѣмъ, съ трудомъ удерживалъ выраженіе презрѣнія къ этому старому барину и съ трудомъ спускался до низменности его пониманій. Онъ понималъ, что со старикомъ говорить нечего и что глава въ этомъ домѣ — мать. Передъ нею-то онъ намѣревался разсыпать свой бисеръ. Въ это время княгиня вошла въ гостиную съ домашнимъ докторомъ. Князь отошелъ, стараясь не дать замѣтить, какъ ему смѣшна была вся эта комедія...“

— „Ну что, докторъ?“ — спросила княгиня“.

— „Сейчасъ, княгиня, переговорю съ коллегой и тогда буду имѣть честь доложить вамъ свое мнѣніе“.

„Когда доктора остались одни, домашній врачъ сталъ робко излагать свое мнѣніе, состоящее въ томъ, что есть начало туберкулезнаго процесса, но... и т. д. Знаменитый докторъ слушалъ его и въ срединѣ его рѣчи посмотрѣлъ на свои крупные золотые часы“.

— „Такъ, — сказалъ онъ. — Но...“

„Домашній врачъ замолкъ почтительно на срединѣ рѣчи“.

— „Опредѣлить, какъ вы знаете, начало туберкулезнаго процесса мы не можемъ; до появленія кавернъ нѣтъ ничего опредѣленнаго (теперь говорятъ: до появленія коховскихъ бациллъ, а современемъ придумаютъ еще что-нибудь новое). Но подозревать мы можемъ. И указанія есть: дурное питаніе, нервное возбужденіе и пр. Вопросъ стоитъ такъ: при подозрѣніи туберкулезнаго процесса, что нужно сдѣлать, чтобы поддержать питаніе?“

— „Но вѣдь вы знаете, тутъ всегда бываются нравственныя, духовныя причины,—съ тонкою улыбкой позволилъ себѣ вставить домашній докторъ“.

— „Да, это само собою разумѣется,—отвѣчалъ знаменитый докторъ, опять взглянувъ на часы.—Виноваты: что, поставленъ ли Яузскій мостъ, или надо все еще кругомъ объѣзжать?—спросилъ онъ.—А! поставленъ. Да, ну такъ я въ двадцать минутъ могу быть... Такъ мы говорили, что вопросъ такъ поставленъ: поддержать питаніе и исправить нервы. Одно въ связи съ другимъ,—надо дѣйствовать на обѣ стороны круга“.

— „Но поѣздка за границу?—спросилъ домашній докторъ“.

— „Я врагъ поѣздокъ за границу. Извольте видѣть: если есть начало туберкулезнаго процесса, чего мы знать не можемъ, то поѣздка за границу не поможетъ. Необходимо такое средство, которое бы поддерживало питаніе и не вредило“.

„И знаменитый докторъ изложилъ свой планъ леченія водами Соденскими, при назначеніи которыхъ главная цѣль, очевидно, состояла въ томъ, что онѣ повредить не могутъ“.

„Домашній докторъ внимательно и почтительно выслушалъ“.

„— Но въ пользу поѣздки за границу я бы выставилъ перемѣну привычекъ, удаленіе отъ условій, вызывающихъ воспоминанія. И потомъ... матери хочется,—сказалъ онъ“.

— „А! Ну, въ этомъ случаѣ, что-жъ, пускай ѣдутъ, только повредятъ эти нѣмецкіе шарлатаны... Надо, чтобы не слушались... Ну, такъ пускай ѣдутъ“.

„Онъ опять взглянулъ на часы“.

— „О, уже пора!—и пошелъ къ двери“.

Это описаніе консилиума передано до такой степени правдиво, какъ будто авторъ подсмотрѣлъ и подслушалъ въ замочную скважину одинъ изъ безчисленныхъ дѣйствительныхъ фактовъ и лично хорошо зналъ обоихъ медиковъ. Но что же это за консилиумъ? Какое онъ имѣетъ отношеніе къ наукѣ, къ болѣзни, къ больной, вообще, къ высокому служенію на пользу человечеству? Остается изумляться, какъ могутъ люди называть медициной и врачами то, что такъ часто имѣетъ всѣ признаки

безсознательнаго или даже сознательнаго шарлатанства!

И почему, въ самомъ дѣлѣ, этотъ глуповатый „пустобрехъ“, который въ данномъ случаѣ понималъ болѣзнь еще меньше, чѣмъ болѣе скромный его коллега, и больше думалъ о Яузскомъ мостѣ, чѣмъ о болѣзни Кити,—почему онъ считался знаменитымъ врачомъ? И въ жизни сплошь и рядомъ приходится видѣть такихъ знаменитыхъ врачей, причины извѣстности которыхъ трудно объяснить. И часто выходитъ именно такъ, что чѣмъ беззащитнѣе врачъ, чѣмъ онъ меньше разбирается въ средствахъ для пріобрѣтенія популярности, тѣмъ онъ становится знаменитѣе...

„Знаменитый докторъ объявилъ княгинѣ (чувство приличія подсказало это), что ему нужно видѣть еще разъ больную“.

— „Какъ, еще разъ осматривать?—съ ужасомъ воскликнула мать“.

— „О, нѣтъ, мнѣ нужны нѣкоторыя подробности, княгиня“.

„И мать, сопровождаемая докторомъ, вошла въ гостинную къ Кити. Исхудавшая и румяная, съ особеннымъ блескомъ въ глазахъ вслѣдствіе перенесеннаго стыда, Кити стояла посреди комнаты. Когда докторъ вошелъ, она вспыхнула и глаза ея наполнились слезами. Вся ея болѣзнь и леченіе представлялись ей такою глупою, даже смѣшною вещью! Леченіе ея представлялось ей столь же смѣшнымъ, какъ составленіе кусковъ разбитой вазы. Сердце ея было разбито. Что же ини хотятъ лечить ее пилюлями и порошками“?

— „Потрудитесь присѣсть, княжна,—сказалъ знаменитый докторъ“.

„Онъ съ улыбкой сѣлъ противъ нея, взялъ пульсъ и опять сталъ дѣлать скучные вопросы. Она отвѣчала ему и вдругъ, разсердившись, встала“.

— „Извините меня, докторъ, но это право ни къ чему не поведетъ. Вы у меня по три раза то же самое спрашиваете“.

„Знаменитый докторъ не обидѣлся“.

— „Болѣзненное раздраженіе,—сказалъ онъ княгинѣ, когда Кити вышла. Впрочемъ, я кончилъ“.

Но еще не все было кончено; оставался еще самый возмутительный финалъ этой траги-комедіи.

„Докторъ передъ княгиней, какъ передъ исключительно умною женщиной, научно опредѣлилъ положеніе княжны и заключилъ наставленіемъ о томъ, какъ пить тѣ воды, которыя были ненужны. На вопросъ: ѣхать ли за границу?—докторъ углубился въ размышленія, какъ бы разрѣшая трудный вопросъ. Рѣшеніе, наконецъ, было изложено; ѣхать и не вѣрить шарлатанамъ, а во всемъ обращаться къ нему“.

Прочтя исторію болѣзни и леченія Кити, читатель весь на сторонѣ стараго князя Щербацкаго, который, споря съ княгиней, кричалъ:

— „Да, а теперь лечите, возите къ себѣ этихъ шарлатановъ“.

— „А ты вотъ что, Катя,—говорилъ дочери князь:—ты когда-нибудь, въ одинъ прекрасный день, проснись и скажи себѣ: да вѣдь я совсѣмъ здорова и весела, и пойдемъ съ папа опять рано утромъ по морозцу гулять, а?“

На нѣмецкихъ водахъ, куда пріѣхали Щербацкіе въ результатъ „консилиума“, Кити нашла своего „врача“—m-lle Вареньку, которая имѣла сильное и благотворное вліяніе на духовное возрожденіе и, вслѣдствіе этого, физическое выздоровленіе Кити. Она настолько находилась подъ вліяніемъ Вареньки, что подражала ей не только въ дѣятельномъ уходѣ за больными и несчастными, но даже въ манерѣ ходить, говорить, мигать глазами. Но въ то же время княгиня замѣтила, что въ дочери совершается „какой-то серьезный душевный переворотъ“: И по мѣрѣ этого душевнаго переворота поправлялось здоровье Кити.

Послѣ того, какъ у Кити произошло непріятное столкновеніе съ женой больного художника Петрова, послѣ того, какъ пріѣхавшій старый князь внесъ новое оживленіе въ душу Кити, словомъ, по мѣрѣ совершенія душевнаго переворота, Кити поняла, что ее не можетъ удовлетворить ученіе о дѣятельномъ благочестіи, которому она отдалась подъ вліяніемъ Вареньки, что она слишкомъ хочетъ жить и жить „не иначе, какъ по сердцу“, что, „она себя обманывала, думая, что можетъ быть тѣмъ, чѣмъ хотѣла быть. Она какъ будто очнулась, почувствовала всю трудность

удержаться на той высотѣ, на которую она хотѣла подняться“...

И въ результатъ происходившаго въ ней душевнаго переворота „ей поскорѣй захотѣлось на свѣжій воздухъ, въ Россію, въ Покровское“... Кити возвратилась домой излеченная.

Какъ и Наташа, Кити заболѣла и выздоровѣла подъ вліяніемъ процессовъ, которые происходили въ самой глубинѣ ея духовной природы. Но объ этихъ процессахъ не имѣли ни малѣйшаго представленія ни нѣмецкіе, ни русскіе врачи, ни тогда, когда она страдала и падала духомъ, ни тогда, когда возрождалась и выздоравливала. И вся положительная роль врачей сводилась лишь къ удовлетворенію „нравственной потребности“ старой княгини.

Какъ же можетъ Толстой, глубоко понимающій все это, какъ можетъ онъ признавать существующую медицину за серьезную науку, вѣрить въ нее, не смѣяться надъ ней и надъ врачами, говорить о нихъ безъ раздраженія? Толстой, быть можетъ, относился бы къ врачамъ съ меньшей ироніей и сарказмомъ, болѣе человѣчно, если бы его не возмущала та самоувѣренность, которую пріобрѣтаютъ врачи „по мѣрѣ оглупнѣнія“, тотъ тонъ людей, „обладающихъ полной истиной“, который они себѣ усваиваютъ, даже понимая всю лживость этого тона.

Скажите, на примѣръ, этому „знаменитому“ доктору, что онъ вовсе не знаменитъ, что онъ ничего не смыслитъ въ болѣзняхъ людей, что онъ больше шарлатанъ, чѣмъ знаменитый докторъ,—о, онъ будетъ возмущенъ! Онъ обладаетъ полной истиной, онъ приступаетъ къ больному во „всеоружіи“ знанія, онъ служитъ страждущему человѣчеству и т. д., и если вы этого не признаете, то лишь потому, что вы—профанъ, не имѣющій представленія о медицинѣ, и онъ презираетъ ваше мнѣніе! И ничѣмъ вы ему не докажете обратнаго, потому что онъ „лишенъ способности понимать чужую, свѣжую, находящуюся внѣ его талмуда, человѣческую мысль“.

Мы не будемъ останавливаться на странномъ, въ высокой степени интересномъ и неподражаемо-художественномъ описаніи родовъ у Кити. Скажемъ только,

что здѣсь врачи также оказались незнающими, ненужными, хотя до-нельзя самоуверенными. По сдѣланной ими для родильницы пользѣ они далеко уступали акушеркѣ Лизаветѣ Петровнѣ, отдававшей своему скромному дѣлу съ любовью и непосредственно. И если не вѣрившій въ медицину Левинъ, говорившій, что „родятся дѣтей миллионы безъ Москвы и докторовъ“, бѣгалъ потомъ по аптекамъ и

квартирамъ врачей, то этимъ онъ только удовлетворялъ нравственной потребности дѣятельности, потребности „потереть больное мѣсто“.

„Природа помогла“—и доктора не понадобились. А у княгини Болконской принималъ врачъ—и родильница умерла, потому что „жизнь сама себя не защитила“.

Х.

Николай Левинъ лежалъ „въ маленькомъ, грязномъ номерѣ гостинницы, заплеванномъ по раскрашеннымъ панно стѣнъ, въ пропитанномъ удушливымъ запахомъ воздухѣ... въ грязи и безпорядкѣ“. Но у него бывали доктора, „лечили“ его, брали деньги... Чахоточный Николай Левинъ „обвинялъ доктора, жалѣлъ, что нѣтъ московскаго знаменитаго доктора и все еще надѣялся“. Когда Константинъ Левинъ, увидѣвъ брата, рассказалъ объ его ужасномъ состояніи женѣ, Кити попросила свести ее къ больному, горячо желая и надѣясь быть ему полезной. „Пожалуйста, позволь!—умоляла она мужа, какъ будто счастье жизни ея зависѣло отъ этого“. Такое горячее стремленіе быть полезной больному, отдать ему часть своей души, не могло не имѣть для больного благотворнаго значенія, и Кити была единственнымъ свѣтлымъ явленіемъ въ послѣдніе дни жизни измученнаго, мрачнаго Николая Левина.

„При видѣ больного ей стало жалко его“, и Кити, не имѣющая никакого отношенія къ медицинѣ, по чувству той „жалости“ къ больному, которой не бываетъ у профессиональныхъ врачей, сейчасъ же сдѣлала именно то, о чемъ первымъ дѣломъ долженъ былъ позаботиться врачъ: она принялась мести, чистить, мыть, перемѣнять постель, т. е. улучшать, какъ выражаются врачи, гигиеническую обстановку больного. Правда, въ дѣлѣ ухода за больными Кити „научилась многому въ Соденѣ“, но вѣдь врачей въ университетахъ учили еще большему. Почему же они не могутъ быть даже такъ полезными для больныхъ, какъ Кити, какъ m-lle Варенька, какъ Туровцынъ, ухаживавшій

за больными скарлатиной дѣтьми Долли, какъ Карлъ Ивановичъ, девять дней, не смыкая глазъ, сидѣвшій у постели больного Володеньки, какъ „политическая“ Марія Павловна („Воскресеніе“), какъ проститутка въ Ржановскомъ домѣ, которая ходила за ребенкомъ своей больной сосѣдки, какъ старикъ Елисей („Два старика“), какъ бывший въ дѣйствительности докторъ Гаазъ, какъ полезны бываютъ родные, хорошія сидѣлки? Да потому, что въ университетахъ врачи усваиваютъ лишь „научное“ отношеніе къ болѣзнямъ, но не усваиваютъ духовнаго, нравственнаго, любовнаго отношенія къ больнымъ; потому, что наука заслоняетъ для нихъ человѣка; потому, что внѣшнимъ признакамъ болѣзни и теченія ея они придаютъ большее значеніе, чѣмъ нравственному состоянію больного; потому, что въ медицинѣ недостаточно только умѣть думать, но, преимущественно, надо умѣть чувствовать.

Кити внесла гигиену не только въ обстановку больного, но, главное, въ его душу.

„Все вокругъ больного стало совершенно измѣненнымъ. Тяжелый запахъ замѣнился запахомъ уксуса съ духами, который, выставивъ губы и раздувъ румяныя щеки, Кити прыскала въ трубочку. Пыли нигдѣ не было видно, подъ кроватью былъ коверъ. На столѣ стояли аккуратно склянки, графинъ и сложено было нужное бѣлье и работа *broderie anglaise* Кити. На другомъ столѣ, у кровати больного, было питье, свѣча и порошки. Самъ больной, вымытый и причесанный, лежалъ на чистыхъ простыняхъ, на высо-

ко поднятых подушках, въ чистой рубашкѣ съ бѣлымъ воротникомъ около естественно тонкой шеи, и, съ новымъ выраженіемъ надежды, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Кити.

А когда пріѣхалъ „найденный въ клубѣ“ докторъ, то вмѣсто облегченія больного, что было его непосредственной нравственной обязанностью, выслушалъ его, покачалъ головой и сдѣлалъ то, что было самымъ легкимъ и, въ данномъ случаѣ, ненужнымъ дѣломъ—прописалъ лекарство, объяснилъ „сначала“ всѣ подробности его употребленія, потомъ какую соблюдать діету,—и уѣхалъ.

И больной Николай Левинъ, раздражительный, какъ всѣ чахоточные и, какъ всѣ они, вѣрившій въ медицину и ждавшій помощи отъ докторовъ, тѣмъ не менѣе почувствовалъ, кто былъ для него истиннымъ врачомъ.

„—Вотъ съ вами я бы давно выздоравлилъ“—сказалъ онъ Кити по уходѣ доктора. И тотъ самый человѣкъ, который ругалъ врачей, лечившихъ его съ помощью своей науки, тянулся цѣловать руки Кити, ухаживавшей за нимъ по указанію своего добраго сердца и своей искренней „жалости“ къ больному.

Читатель видитъ, что по истинѣ „скрылъ отъ премудрыхъ и открылъ дѣтямъ и неразумнымъ“, что ученые врачи не знали о болѣзни Николая Левина „сотой доли“ того, что знала и чувствовала Кити и что именно нужно было больному. Врачи знали, что у Николая Левина въ легкихъ каверны, въ кавернахъ микробы, знали, что болѣзнь называется „туберкулезомъ“, который находится „въ послѣдней стадіи развитія“, знали, что можно, хотя и не нужно, выписать такіе-то и такіе-то порошки и капли... И въ этомъ одномъ врачи находили весь смыслъ своего „высокаго“, какъ они говорятъ, призванія, своего „служенія страждущему человечеству“, и брали за это служеніе деньги. Но, извлекая изъ такого служенія пользу для себя, что дали они больному? Вылечить его они не могли и знали это; доставили ли они больному хоть нравственное утѣшеніе, хоть „сотую долю“ того, что дала больному Кити? Они

только раздражали больного: ругая однихъ врачей, онъ, какъ и вообще больные, обращался къ другимъ, чтобы ругать потомъ этихъ и т. д. Больной не могъ чувствовать, что врачи не только не умѣютъ помочь ему, но и не хотятъ этого сдѣлать, какъ хотѣла этого Кити. Исполняя свою профессиональную обязанность, врачи скользили по поверхности, имѣли въ виду только внѣшніе, физическіе признаки и проявленія болѣзни, и занимались самымъ легкимъ для себя и бесполезнымъ для больного дѣломъ. Больной не могъ не видѣть этого бездушнаго, автоматическаго отношенія къ нему врачей, не могъ питать къ нимъ за это благодарныхъ и добрыхъ чувствъ, и недовольство его врачи должны были принимать, какъ должное...

И развѣ не ясно, что Николай Левинъ страдалъ и умеръ не отъ того, что у него гнили легкія и были въ нихъ каверны, и въ кавернахъ микробы, а наоборотъ, болѣзнь тѣла и каверны, и микробы были лишь результатомъ, доступнымъ внѣшнимъ чувствамъ проявленіемъ того внутренняго процесса, который совершался въ душѣ Николая Левина еще съ самаго начала его сознательной жизни и даже, быть можетъ, раньше? То, что привело его къ физической болѣзни, съ кавернами и микробами, совершалось, быть можетъ, еще въ его предкахъ, потомъ въ немъ самомъ: и въ дѣтствѣ, и тогда, когда онъ „въ университетѣ и годъ послѣ университета, не смотря на насмѣшки товарищей, жилъ, какъ монахъ, избѣгая всякихъ удовольствій“; и потомъ, „когда вдругъ его прорвало, онъ сблизился съ самыми гадкими людьми и пустился въ самый безпутный разгулъ“; когда онъ „искалъ въ религіи помощи, узды на свою страстную натуру, и никто не только не поддержалъ его, но всѣ смѣялись надъ нимъ, но когда его прорвало, никто не помогъ ему, а всѣ съ ужасомъ и омерзеніемъ отвернулись“; когда шагъ за шагомъ „современно-научныя объясненія явленій міра вытѣснили въ немъ вѣрованія“, и потомъ,—подъ вліяніемъ всѣхъ совокупныхъ условій его послѣдующей жизни.

И вотъ, когда „дѣло жизни“ уже было совершено, когда духовное начало въ че-

ловѣкъ, подвергнутое столь продолжительнымъ, разнообразнымъ и жестокимъ испытаніямъ было сломлено, когда оживляющій чловѣка внутренній огонь сталъ гаснуть и, въ результатъ этого, тѣло ослабѣло, стало разлагаться и на подготовленной почвѣ развились микробы,—въ это время является на сцену медицина, врачи постукиваютъ, выслушиваютъ, ставятъ діагнозы, прописываютъ лекарства, тянутъ съ больного деньги, обзываютъ другъ друга „шарлатанами“, и въ то же время выдерживаютъ тонъ людей, „обладающихъ полною истиной“, непогрѣшимыхъ, самоувѣренныхъ...

Получается впечатлѣніе, благодаря которому читатель вполне понимаетъ раздраженіе Толстого по адресу медицины и врачей и не можетъ не сочувствовать великому художнику, съ такою яркостью обличающему заблужденіе медицинской „науки“ и ея представителей.

Кто знаетъ, если бы даже теперь къ Николаю Левину вернулось „дѣло жизни“,

если бы угасающій духовный огонь вспыхнулъ вновь, если бы, подъ вліяніемъ современно-научнаго объясненія явленій міра, вѣра больного не выродилась въ вѣру только въ „банку съ іодомъ“, если бы съ жаждой физической жизни вернулась вдругъ горячая жажда жизни духовной, нравственной, чтобы въ глубинѣ души больного не было желанія „конца“, если бы совершилось это чудо въ душѣ умирающаго Николая Левина,—кто знаетъ, не совершилось ли бы чудо и въ его даже разлагающемся тѣлѣ? Такія чудеса бывають, и медицина знаетъ ихъ, хотя не умѣетъ и отказывается ихъ объяснить.

И именно объ этомъ думала „неразумная“ Кити, когда, передъ соборованіемъ больного, говорила:

„—Я спрашивала доктора: онъ сказалъ, что онъ не можетъ жить дольше трехъ дней. Но развѣ они могутъ знать?... Все можетъ быть“...

XI.

Толстой говоритъ, что среди безчисленныхъ гибельныхъ условій, окружающихъ плотскую жизнь чловѣка, ему естественно гибнуть. И если мы живемъ, то лишь пока совершается въ насъ „дѣло жизни, подчиняющее себя всѣмъ этимъ условіямъ“. Когда кончается „дѣло жизни“, чловѣкъ умираетъ, „и одна изъ ближайшихъ, всегда окружающихъ чловѣка, причинъ плотской смерти представляется намъ исключительной причиной ея“.

Иванъ Ильичъ умеръ отъ того, что у него была блуждающая почка, или хроническій катарръ, или болѣзнь слѣпой кишки, словомъ, была какая-то „штучка“, которую врачи, хотя и не умѣли опредѣлить, но всѣ брались лечить ее. „То-есть опредѣляли, но различно... Николаевъ сказалъ что-то; Лещетицкій сказалъ напротивъ...“ Блуждающая же почка или болѣзнь слѣпой кишки образовалась отъ того, что, устраивая свою новую квартиру и показывая обойщику, какъ онъ хочетъ драпировать, Иванъ Ильичъ оступился на лѣсенкѣ и упалъ, стукнувшись бокомъ объ ручку

рамы. Хотя ушибъ поболѣлъ и скоро прошелъ, и хотя Иванъ Ильичъ чувствовалъ себя все это время особенно веселымъ и здоровымъ, но... и т. д.

Такъ разсуждаетъ медицина и врачи о болѣзни и смерти людей, ставя совершеннѣйшее Божіе твореніе въ зависимость отъ легкаго толчка, катарра, бактеріи, почки, слѣпой кишки; такъ думаютъ люди подъ вліяніемъ „современно-научнаго объясненія явленій міра“; такъ думалъ и Иванъ Ильичъ до тѣхъ поръ, пока не понялъ истинной причины своихъ страданій, не нашелъ „единственнаго разрѣшенія всей загадки жизни и смерти“.

Иванъ Ильичъ жилъ „не такъ, какъ должно“. Отъ этого онъ страдалъ, отъ этого умеръ. Ясно онъ понялъ это уже передъ смертью, но въ глубинѣ души его, въ глину его совѣсти, въ томъ „святая святыхъ“, которое есть въ душѣ каждаго чловѣка, сотвореннаго по прекраснѣйшему образу и подобию, сознание нехорошей своей жизни, „не такой, какъ должно“ жило давно, и даже проявлялось въ „чуть за-

мѣтныхъ поползновеніяхъ борьбы противъ того, что считалось хорошимъ“, но въ дѣйствительности было дурнымъ; давно жило въ немъ внутреннее чувство „безсмыслицы и гадости“ своей жизни, искусственно заглушаемое людьми. И это подавленіе вышшаго начала въ человѣкѣ, эта безсмыслица и гадость жизни съ неизбѣжнымъ спутникомъ—глухимъ страданіемъ, тоской совѣсти, разрушали заложенное въ человѣкѣ истинное „дѣло его жизни“. И чѣмъ дальше шло это разрушеніе „дѣла жизни“, одухотворявшего плоть, „подчинявшего себѣ окружающія, пагубныя для плотской жизни, условія“,—тѣмъ больше падалъ духъ Ивана Ильича и слабѣло тѣло. И въ ослабѣвшемъ тѣлѣ, какъ „одна изъ ближайшихъ, всегда окружающихъ человѣка причинъ плотской смерти“, образовалась блуждающая почка или—не все ли равно?—хроническій катарръ, или болѣзнь слѣпой кишки, и эту ближайшую причину врачи признали исключительной причиной болѣзни и смерти Ивана Ильича, и лечили его микстурами и порошками. Докторъ говорилъ, что страданія его физическія ужасны, и это была правда,—говоритъ Толстой,—но ужаснѣе его физическихъ страданій были его нравственные страданія, и въ этомъ было главное его мученіе! Но доктора не видѣли этихъ главныхъ страданій, и не хотѣли видѣть ихъ, и не лечили ихъ и не умѣли лечить. И въ этомъ смыслѣ только одинъ Герасимъ доставлялъ больному „утѣшеніе“,—не тѣмъ, что по цѣлымъ ночамъ держалъ его ноги на своихъ плечахъ, а тѣмъ, что „только онъ одинъ понималъ положеніе Ивана Ильича и жалѣлъ его“.

Причины страданія и смерти Ивана Ильича, нравственные и физическія, настолько сплетаются между собою, что сначала даже кажется, что физическія причины имѣютъ первенствующее значеніе, какъ и думали объ этомъ врачи, знакомые и родные Ивана Ильича, какъ думаютъ объ этомъ люди вообще. Но это такъ кажется потому, что физическія причины—толчокъ бокомъ, блуждающая почка, катарръ, бактеріи и пр.—болѣе доступны пониманію людей, поверхностно относящихся къ жизни ближняго, чѣмъ происходящія въ душѣ его процессы, управляющія „дѣломъ его жизни“.

Когда же художникъ раскрываетъ глубину души живущаго, страдающаго и умирающаго человѣка, представляя процессъ жизни и смерти, „совѣмъ съ другой стороны“, читателю становится яснымъ, что блуждающая почка, катарръ или болѣзнь слѣпой кишки такъ же не можетъ быть причиной смерти Ивана Ильича, какъ причиной жизни Прасковьи Ѳедоровны—блескъ ея глазъ, бѣлизна и пухлость кожи, глянецъ волосъ, толстыя груди.

„Исторія жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная, и самая ужасная“, потому что жизнь эта была безнравственна. Безнравственно было отношеніе къ службѣ, гдѣ всякое дѣло Иванъ Ильичъ облакалъ въ такую форму, „при которой бы дѣло только внѣшнимъ образомъ отражалось на бумагѣ“, и гдѣ онъ соблюдалъ „лишь подобіе человѣческихъ дружелюбныхъ отношеній“; безнравственна была семейная жизнь, отъ которой онъ требовалъ только „удобствъ домашняго обѣда, хозяйки, постели...“, и которая не давала даже этого. Но совѣсть жила. Были „островки“, были „чуть замѣтныя поползновенія борьбы“, бывало „скучно и чего-то не доставало“, хотя всѣ эти проблески истинной души и запросы истинной, духовной жизни заглушались службой, привычками, знакомствами, вообще—внѣшней жизнью.

Пока жизнь Ивана Ильича была безнравственной, у него были духовныя связи съ людьми, онъ жилъ съ ними общею жизнью, такую же безнравственную, какъ и его личная жизнь. Но когда съ Иваномъ Ильичемъ случилось „что-то страшное, новое и такое значительное, что значительнѣе никогда въ жизни не было“, когда тѣ „ширмы“, которыми всю жизнь онъ заслонялся отъ нравственныхъ требованій совѣсти, стали „просвѣчивать“, когда „всѣ казавшіяся тогда радости теперь на глазахъ его таяли и превращались во что-то ничтожное и часто гадкое“, когда онъ понималъ всю „ложь“ своей и чужой жизни,—Иванъ Ильичъ, среди многолюднаго города и своихъ многочисленныхъ знакомыхъ и семьи, очутился въ такомъ „одинокѣствѣ, полнѣе котораго не могло быть нигдѣ—ни на днѣ моря, ни въ землѣ“. И въ этомъ одинокѣствѣ Ивану Ильичу стало понят-

нымъ, что все, чѣмъ онъ жилъ и живутъ другіе, былъ „ужасный, огромный обманъ“, что дѣло вовсе не въ слѣпой кишкѣ или почкѣ, а въ жизни „не такой, какъ должно“, что вся жизнь его была причиной его страданій и смерти. И это сознаніе „удесятерило“ его физическія страданія; онъ стоналъ и метался,—и врачи... „облегчали“ его морфіемъ.

„Когда пришелъ священникъ и исповѣдывалъ его, онъ смягчился, почувствовалъ какъ будто облегченіе отъ своихъ сомнѣній и, вслѣдствіе этого, отъ страданій, и на него нашла минута надежды“. Но... онъ опять сталъ думать о слѣпой кишкѣ, объ операціи... И опять все сказало ему одно:

„не то; все то, чѣмъ ты жилъ и живешь—есть ложь и обманъ...“ Ему стало хуже: „стало винтить и стрѣлять и сдавливать дыханіе“. И съ этого времени начался тотъ „три дня не перестававшій крикъ, который такъ былъ ужасенъ, что нельзя было за двумя дверями безъ ужаса слышать его“. И только когда онъ окончательно понялъ, что же „то“, онъ затихъ и ему стало легко.

— „А боль?—спрашивалъ онъ себя.—Ну-ка, гдѣ ты, боль?“

„Онъ сталъ прислушиваться.“

— „Да, вотъ она. Ну чтожъ, пускай боль“.

Такова „исторія болѣзни“ Ивана Ильича. Посмотримъ, какъ лечили его врачи.

XII.

Болѣзнь Ивана Ильича „доктора не могли опредѣлить“, діагнозъ ея оказался для нихъ непосильнымъ. Но это не мѣшало имъ лечить больного и брать за это деньги.

„Когда Иванъ Ильичъ поѣхалъ къ „знаменитому врачу“, то „все было, какъ онъ ожидалъ; все было такъ, какъ всегда дѣлается. И ожиданіе, и важность напускная, докторская, ему знакомая, та самая, которую онъ зналъ въ себѣ въ судѣ, и поступиваніе, и выслушиваніе, и вопросы, требующіе опредѣленные впередъ и очевидно ненужные отвѣты, и значительный видъ, который внушалъ, что вы, молъ, только подвергнитесь намъ, а мы все устроимъ,—у насъ извѣстно и несомнѣнно, какъ все устроить, все однимъ манеромъ для всякаго человѣка, какого хотите. Все было точно такъ же, какъ въ судѣ. Какъ онъ въ судѣ дѣлалъ видъ, надъ подсудимыми, такъ точно надъ нимъ знаменитый докторъ дѣлалъ тотъ же видъ“.

„Докторъ говорилъ: то-то и то-то указываетъ, что у васъ внутри то-то и то-то; но если это не подтвердится по изслѣдованіямъ того-то и того-то, то у васъ надо предположить то-то и то-то. Если же предположить то-то, тогда... и т. д. Для Ивана Ильича важенъ былъ только одинъ вопросъ: опасно ли его положеніе, или нѣтъ? Но докторъ игнорировалъ этотъ неумѣстный

вопросъ. Съ точки зрѣнія доктора вопросъ этотъ былъ праздный и не подлежалъ обсужденію; существовало только взвѣшиваніе вѣроятностей—блуждающей почки, хроническаго катарра и болѣзни слѣпой кишки. Не было вопроса о жизни Ивана Ильича, а былъ споръ между блуждающей почкой и слѣпой кишкой. И споръ этотъ, на глазахъ Ивана Ильича, докторъ блестящимъ образомъ разрѣшилъ въ пользу слѣпой кишки, сдѣлавъ оговорку о томъ, что изслѣдованіе мочи можетъ дать новыя улики, и что тогда дѣло будетъ пересмотрѣно. Все это было точъ въ точъ то же, что дѣлалъ тысячу разъ самъ Иванъ Ильичъ надъ подсудимыми такимъ блестящимъ манеромъ. Такъ же блестяще сдѣлалъ свое резюме докторъ, и торжествуя, весело даже, взглянулъ сверхъ очковъ на подсудимаго. Изъ резюме доктора Иванъ Ильичъ вывелъ то заключеніе, что—плохо, а что ему, доктору, все равно. И это заключеніе болѣзненно поразило Ивана Ильича, вызвавъ въ немъ чувство большой жалости къ себѣ, большой злобы на этого равнодушнаго къ такому важному вопросу доктора. Но онъ ничего не сказалъ, а всталъ, положилъ деньги на столъ и, вздохнувъ, сказалъ: „мы, больные, вѣроятно, часто дѣлаемъ вамъ неумѣстные вопросы... Вообще, это опасная болѣзнь или нѣтъ?“.

„Докторъ строго взглянулъ на него однимъ глазомъ черезъ очки, какъ будто говоря:—„подсудимый, если вы не будете оставаться въ предѣлахъ ставимыхъ вамъ вопросовъ, я буду вынужденъ сдѣлать распоряженіе объ удаленіи васъ изъ залы засѣданія“.

—„Я уже сказалъ вамъ то, что считалъ нужнымъ и удобнымъ,—сказалъ докторъ.— Дальнѣйшее покажетъ изслѣдованіе.—И докторъ поклонился...“

„Всю дорогу Иванъ Ильичъ не переставая перебиралъ все, что говорилъ докторъ, стараясь всѣ эти запутанныя, неясныя научныя слова перевести на простой языкъ и прочесть въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: плохо—очень ли плохо мнѣ, или еще ничего?...“

„Онъ сталъ принимать лекарство, исполнять предписанія доктора, которыя измѣнились по случаю изслѣдованія мочи. Но тутъ какъ разъ такъ случилось, что въ этомъ изслѣдованіи и въ томъ, что должно было послѣдовать за нимъ, вышла какая-то путаница. До самого доктора нельзя было добраться, а выходило, что дѣлалось не то, что говорилъ ему докторъ. Или онъ забылъ, или совралъ, или скрывалъ отъ него что-нибудь“.

Какъ видимъ, установившіяся формы отношеній врачей къ больнымъ, тотъ неискренній тонъ, который врачи усваиваютъ якобы въ интересахъ больныхъ—дабы не пугать ихъ своимъ невѣжествомъ или страшной правдой,—не можетъ считаться для больныхъ полезнымъ. Бездушный формализмъ и ложь не могутъ дать хорошихъ послѣдствій только отъ того, что они кажутся больного.

Такъ неужели же—спросятъ—врачъ долженъ сказать больному: я вашей болѣзни не понимаю и потому лечить не могу; или: ваша болѣзнь неизлечима, вы должны быть готовымъ умереть?

То, что врачи не могутъ говорить больнымъ правду, только доказываетъ, что у врачей нѣтъ правильнаго, нравственнаго отношенія къ больнымъ. Для признанія въ своемъ невѣжествѣ отъ врача нужно много мужества и самоотверженія, такъ какъ, ставши на путь отреченія, въ концѣ концовъ, пришлось бы, пожалуй, вовсе отречься отъ

медицины, по крайней мѣрѣ отъ той, какою она является теперь (какъ это и случилось, напр., съ *Вересаевымъ*, не смотря на то, что, по его словамъ, онъ „вѣрить“ въ медицину и даже жалѣетъ тѣхъ, которые не вѣрятъ въ нее). Открытіе же правды осужденному на смерть больному—если, конечно, у врача можетъ быть полнѣйшая увѣренность въ этомъ—возложило бы на врача непривычныя, весьма серьезныя нравственныя обязанности къ больному,—обязанности, неизмѣримо болѣе высокія, но и болѣе трудныя, чѣмъ „сдѣлать видъ“, прописать лекарство, получить деньги и поспѣшить къ слѣдующему больному, чтобы продѣлать то же самое.

Если въ обычныхъ житейскихъ отношеніяхъ между людьми ложь считается нехорошимъ, безнравственнымъ дѣломъ, то такою же она остается и у постели больного. Ямщику Θεодору всѣ говорили, что онъ умретъ, и онъ умеръ спокойнѣе, чѣмъ Ширкинская барыня, отъ которой это заботливо скрывали. Иванъ Ильичъ находилъ „утѣшеніе“ въ присутствіи Герасима, говорившаго ему о смерти, и ненавидѣлъ лгавшихъ ему докторовъ, совѣты съ которыми, не смотря на ихъ искусство и навыкъ во лжи, только „ухудшали“ состояніе больного.

Врачамъ весьма удобно и выгодно скрывать отъ больныхъ правду: дѣлая это якобы въ интересахъ больныхъ, они имѣютъ полную возможность этимъ путемъ маскировать собственное невѣжество. И чаще правда скрывается не въ интересахъ больного, а въ интересахъ врача.

Ложь потому уже не нужна больному (и только доставляетъ ему лишнія мученія, тоску и боль несбывающейся надежды), что близость смерти всегда чувствуется больными вѣрнѣе, чѣмъ могутъ знать это врачи, и этого чувства приближенія смерти не можетъ уничтожить ни „ободряющая“ шаблонная улыбка врача, ни „тонъ обладанія истиной“. Эти приемы лжи не могутъ быть полезными потому, что когда солгавшій врачъ уходитъ отъ больного, съ нимъ остается „опять та же комната, тѣ же картины, гардины, обои, склянки и то же свое болящее, страдающее тѣло“, тѣ же думы о жизни и смерти, тѣ же внутреннія со-

мнѣнія и мученія, касаться которыхъ медицина не считаетъ своимъ дѣломъ.

Повторяемъ—то, что врачи не могутъ говорить правду больнымъ, что даже мысль объ этомъ кажется имъ дикой, ясно доказываетъ, какъ далеки они отъ правильныхъ нравственныхъ отношеній къ больнымъ. Несомнѣнно, что въ этихъ отношеніяхъ есть что-то

„не то“ и нѣтъ чего-то большого, важнаго и главнаго. Не можетъ быть, чтобы существовало положеніе человѣка, когда ему разрѣшалось бы лгать, когда эта ложь была бы неизбѣжной и полезной именно въ отношеніи къ больному или умирающему человѣку, особенно чуткому ко всякой лжи и приближающемуся къ высшей и вѣчной Правдѣ.

XIII.

„Другая знаменитость сказала почти то же, что и первая, но иначе поставила вопросы. И совѣтъ съ этой знаменитостью только усугубилъ сомнѣніе и страхъ Ивана Ильича. Пріятель его пріятеля—докторъ очень хорошій—тотъ еще иначе опредѣлилъ болѣзнь и, несмотря на то, что обѣщалъ выздоровленіе, своими вопросами и предложеніями еще больше спуталъ Ивана Ильича и усилилъ его сомнѣнія“...

„А болѣзнь шла и шла своимъ „физическимъ порядкомъ“, и Иванъ Ильичъ думалъ: „стукнулся бокомъ, и все такой же я былъ, и нынче, и завтра; немного ныло, потомъ больше, потомъ доктора, потомъ унылость, тоска, опять доктора; а я все шелъ ближе, ближе къ пропасти. Силь меньше. Ближе, ближе. И вотъ я исчахъ, у меня свѣта въ глазахъ нѣтъ. И смерть, а я думаю о кишкѣ. Думаю о томъ, чтобы починить кишку, а это смерть“.

И когда больной стоналъ уже „не столько отъ боли, сколько отъ тоски“, у постели его происходили слѣдующія сцены:

„Докторъ—свѣжій, бодрый, жирный, веселый, съ тѣмъ выраженіемъ, что вотъ въ тамъ чего-то напугались, а мы сейчасъ вамъ все устроимъ. Докторъ знаетъ, что это выраженіе здѣсь не годится, но онъ уже разъ навсегда надѣлъ его и не можетъ снять, какъ человѣкъ съ утра надѣвшій фракъ и ѣдущій съ визитами“.

„Докторъ бодро, утѣшающе потираетъ руки“.

— „Я холоденъ. Морозъ здоровый. Дайте обогрѣюсь,—говоритъ онъ съ такимъ выраженіемъ, что какъ будто только надо немножко подождать, пока онъ обогрѣется, а когда обогрѣется, то ужъ все исправитъ“.

— „Ну что, какъ?“

„Иванъ Ильичъ чувствуетъ, что доктору хочется сказать: „какъ дѣлишки?“, но что и онъ чувствуетъ, что такъ нельзя говорить, и говорить: какъ вы провели ночь?“

„Иванъ Ильичъ смотритъ на доктора съ выраженіемъ вопроса: „Неужели никогда не станеть тебѣ стыдно врать?“ Но докторъ не хочетъ понимать вопроса. И Иванъ Ильичъ говоритъ:

— Все такъ же ужасно. Боль не проходитъ, не сдается. Хотя бы что-нибудь“?

— „Да вотъ вы, больные, всегда такъ. Ну-съ, теперь, кажется, я согрѣлся, даже аккуратнѣйшая Прасковья Федоровна ничего бы не имѣла возразить противъ моей температуры. Ну-съ, здравствуйте.—И докторъ пожимаетъ руку.“

„И, откинувъ всю прежнюю игривость, докторъ начинаетъ съ серьезнымъ видомъ изслѣдовать больного, пульсъ, температуру, и начинаются постукиванье и выслушиванье.“

„Иванъ Ильичъ знаетъ твердо и несомнѣнно, что все это вздоръ и пустой обманъ, но, когда докторъ, ставъ на колѣнки, вытягивается надъ нимъ, прислоняя ухо то выше, то ниже, и дѣлаетъ надъ нимъ съ значительнѣйшимъ лицомъ разныя гимнастическія эволюціи, Иванъ Ильичъ поддается этому, какъ онъ поддавался бывало рѣчамъ адвокатовъ, тогда какъ онъ ужъ очень хорошо зналъ, что они все врутъ и зачѣмъ врутъ“...

„Въ половинѣ двѣнадцатаго пріѣхалъ знаменитый докторъ, опять пошли выслушиванія и значительные разговоры, при немъ и въ другой комнатѣ, о почкѣ, о слѣпой кишкѣ, и вопросы и отвѣты съ та-

кимъ значительнымъ видомъ, что опять вмѣсто реального вопроса о жизни и смерти, который уже теперь одинъ стоялъ передъ нимъ, выступилъ вопросъ о почкѣ и слѣпой кишкѣ, которыя что-то дѣлали не такъ, какъ слѣдовало, и на которыя за это вотъ-вотъ нападутъ Михаилъ Даниловичъ и знаменитость и заставятъ ихъ испривиться“.

„Знаменитый докторъ простился съ серьезнымъ, но не съ безнадежнымъ видомъ. И на робкій вопросъ, который съ поднятыми къ нему, блестящими страхомъ и надеждой, глазами обратилъ Иванъ Ильичъ, есть ли возможность выздоровленія, отвѣчалъ, что ручаться нельзя, но возможность есть. Взглядъ надежды, съ которымъ Иванъ Ильичъ проводилъ доктора, былъ такъ жалокъ, что, увидавъ его, Прасковья Федоровна даже заплакала, выходя изъ дверей кабинета, чтобы передать гонораръ знаменитому доктору“.

Подъемъ духа, произведенный обнадеживаніемъ доктора, продолжался недолго...

Лѣкарствамъ болѣзнь не поддавалась, лживыя обнадеживанія врачей только „ухудшали положеніе больного“, но когда Иванъ Ильичъ чувствовалъ облегченіе отъ своихъ нравственныхъ сомнѣній, то, „вслѣдствіе этого“, уменьшались и страданія.

„Когда больной почти умиралъ, „въ обычное время пріѣхалъ докторъ. Иванъ

Ильичъ отвѣчалъ ему „да, нѣтъ“, не спуская съ него озлобленнаго взгляда, и подъ конецъ сказалъ:

— „Вѣдь вы знаете, что ничего не можете, такъ оставьте.“

— „Облегчить страданія можемъ,—сказалъ докторъ“.

— „И того не можете; оставьте“.

„Докторъ вышелъ въ гостиную и сообщилъ Прасковѣ Федоровнѣ, что очень плохо, и что одно средство—опіумъ...“

Иванъ Ильичъ умеръ. Не смотря на то, что врачи не умѣли опредѣлить его болѣзни, они писали рецепты и лечили его; не смотря на то, что, „ободряя“ и „обнадеживая“, врачи имѣли въ виду нравственное утѣшеніе больного, они только портили и ухудшали его душевное состояніе.

Если бы Толстой не написалъ больше ничего, кромѣ описанія болѣзни и смерти Андрея Болконскаго, Николая Левина или Ивана Ильича, гдѣ, кажется, гениальный художникъ перешагнулъ за черту, доступную человѣческому уму, заглянувъ по ту сторону земного человѣческаго существованія,—то одного такого описанія было-бы достаточно, чтобы убѣдить читателя, насколько выше стоитъ Толстой надъ извѣстнѣйшими учеными медиками и насколько поэтому онъ, въ своихъ сужденіяхъ о медицинѣ, долженъ быть болѣе правымъ, чѣмъ врачи.

XIV.

Такова медицина и ея дѣятели въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность врачей совершается „въ предѣлахъ дозволеннаго“ ими же для себя выработанною спеціальною этикой, въ предѣлахъ не только оправдываемаго, но и проповѣдуемаго врачами образа дѣйствій. Къ такой медицинѣ и къ такой дѣятельности врачей Толстой относится, правда, съ нескрываемой и презрительной ироніей, но болѣе или менѣе спокойно. Но когда дѣятельность врачей переходитъ границы даже спеціальной этики и выражается въ дѣйствіяхъ, осуждаемыхъ даже другими врачами, тогда Толстой обрушивается на медицинскихъ дѣятелей съ самымъ ѣдкимъ сарказмомъ, съ са-

мымъ суровымъ и беспощаднымъ осужденіемъ.

Наиболѣе возмущаетъ Толстого медицинская дѣятельность врачей по отношенію къ женщинамъ. Здѣсь, судя по отношенію къ этому предмету писателя, творится такъ много зла, что, если взять ту небольшую, дѣйствительную и несомнѣнную пользу, которую приноситъ медицина вообще, и тотъ огромный, дѣйствительный и несомнѣнный вредъ, который, именемъ науки, дѣлаютъ врачи только въ области „леченія“ женщинъ, то выходитъ, что человѣчеству выгоднѣе отказаться отъ всѣхъ успѣховъ медицины, но сохранить то, что она разрушаетъ. Начиная отъ раздѣванія и ошупы-

ванія дѣвушекъ и женщинъ врачами-мужчинами и до запрещенія дѣторожденій,— всѣ эти дѣйствія врачей вносятъ черезъ женщину въ мѣръ то пагубное „нравственное растлѣніе“, о которомъ Толстой говорить во многихъ своихъ произведеніяхъ („Война и миръ“, „Анна Каренина“, „Крейцера соната“ и др.).

Объ игнорированіи врачами женской стыдливости, какъ „остатка варварства“, о „циническомъ раздѣваніи и ощупываніи вездѣ“ женщинъ врачами-мужчинами Толстой высказался въ цитированномъ выше описаніи болѣзни Кити Щербацкой. Теперь приведемъ его сужденія о другихъ врачебныхъ приемахъ въ этой области.

Являясь поборникомъ жизни людей по законамъ природы, осуждая всякое отступление отъ ея требованій, Толстой обвиняетъ врачей въ легкомысленномъ, необоснованномъ воспрещеніи матерямъ кормить дѣтей собственною грудью. Первый разъ мы встрѣчаемъ это обвиненіе въ „Войнѣ и мирѣ“, потомъ оно повторяется въ „Крейцеровой сонатѣ“.

„Послѣ родовъ перваго слабаго ребенка, когда имъ пришлось переменить трехъ кормилицъ, и Наташа заболѣла отъ отчаянія, Пьеръ однажды сообщилъ ей мысли Руссо, съ которыми онъ былъ совершенно согласенъ, о неестественности и вредѣ кормилицъ. Со слѣдующимъ ребенкомъ, не смотря на противодѣйствіе матери, докторовъ и самого мужа, возставшихъ противъ ея кормленія, какъ противъ вещи тогда неслыханной и вредной, она настояла на своемъ, и съ тѣхъ поръ всѣхъ дѣтей кормила сама“.

Женѣ Позднышева послѣ перваго ребенка доктора также запретили кормить.

„Кормила кормилица, т. е. мы воспользовались бѣдностью, нуждой и невѣжествомъ женщины, сманили ее отъ ея ребенка къ своему, и за это одѣли ее въ кокошникъ съ галунами. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что въ это самое время свободы жены отъ беременности и кормленія, въ ней съ особенной силой проявилось прежде заснувшее женское кокетство“. А между тѣмъ „она была совершенно здорова и, не смотря на запрещеніе милыхъ докторовъ,

кормила слѣдующихъ дѣтей и выкормила прекрасно“.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ богатыхъ классахъ, матери не кормятъ своихъ дѣтей по соображеніямъ, не только не оправдываемымъ даже нашей медициной, но и противорѣчащимъ ей. И, тѣмъ не менѣе, многіе врачи поддерживаютъ въ этомъ отношеніи безнравственныхъ матерей. И несомнѣнно, что въ этомъ кроется огромный моральный вредъ, „нравственное растлѣніе“—и для матери, и для дѣтей.

Но есть еще одна, самая ужасная область безнравственныхъ дѣйствій нѣкоторыхъ представителей медицины, и объ этомъ Толстой говоритъ и въ „Войнѣ и мирѣ“, и въ „Аннѣ Карениной“ и, наконецъ, въ „Крейцеровой сонатѣ“. Изъ газетъ и собственныхъ наблюденій каждый знаетъ, что зло это съ каждымъ годомъ растетъ и въ ширь и въ глубь и грозитъ человечеству серьезнымъ моральнымъ и физическимъ бѣдствіемъ.

Относительно неожиданно заболѣвшей графини Безухой „всѣ очень хорошо знали, что болѣзнь прелестной графини происходила отъ неудобства выходить замужъ сразу за двухъ мужей и что леченіе итальянца состояло въ устраненіи этого неудобства“; этотъ итальянецъ былъ „докторъ очень ученый и искусный человекъ, лейбъ-медикъ королевы испанской“.

Принявъ огромную дозу прописаннаго этимъ докторомъ „лекарства“, графиня умерла, и, такимъ образомъ, вмѣсто одной жизни погибло двѣ.

Какъ видимъ, о дѣйствіяхъ ученаго доктора, въ данномъ случаѣ, Толстой говоритъ лишь намеками, хотя суть дѣла вполне понятна. Чѣмъ дальше, тѣмъ авторъ говорить объ этомъ злѣ болѣе опредѣленно и ясно.

— „... У меня не будетъ больше дѣтей, —говоритъ Анна Каренина.“

— „Какъ же ты можешь сказать, что не будетъ?..—спрашиваетъ Долли.“

— „Не будетъ потому, что я этого не хочу.“

„И, не смотря на все свое волненіе, Анна улыбнулась, замѣтивъ наивное выраженіе любопытства, удивленія и ужаса на лицѣ Долли.“

— „Мнѣ докторъ сказалъ послѣ моей болѣзни“

— „Не можетъ быть!—широко раскрывъ глаза сказала Долли... Открытіе это вдругъ объяснило для нея всѣ тѣ непонятныя для нея прежде семьи, въ которыхъ было только по одному и по два ребенка...“

— „N'est ce pas immoral?—сказала она, помолчавъ“.

Не безнравственно ли это? Честная, честная Долли, нравственная мать, любящая своихъ многочисленныхъ дѣтей, теряетъ передъ тѣмъ ужасомъ, который возбуждаетъ въ ней открытіе Анны, почерпнутое отъ докторовъ.

— „Нѣтъ, я не знаю, это нехорошо“,—говоритъ она „съ выраженіемъ гадливости на лицѣ“.

Анна, особенно въ присутствіи Долли, сама чувствуетъ, что это нехорошо, безнравственно, старается доказать, что это дѣлается ради дѣтей; въ дѣйствительности же возбужденіе къ себѣ любви Вронскаго было теперь единственной цѣлью ея жизни, и для достиженія этой цѣли всѣ средства были хороши.

Но если Анна видѣла въ этомъ для себя смыслъ и цѣль, то чѣмъ руководился ея сообщникъ и наставникъ—докторъ? У него, какъ и у всѣхъ ему подобныхъ, это было ничѣмъ не вызываемой и ничѣмъ не оправдываемой нравственной распушенностью, которую, какъ разрушительную заразу, такіе врачи вносятъ въ ту среду, съ которою соприкасаются.

Только выраженіемъ этой нравственной докторской распушенности было и запрещеніе женѣ Позднышева кормить и рожать дѣтей.

„Она (жена Позднышева) была нездорова, и доктора не велѣли ей рожать и научили средству... Средство мерзавцевъ-докторовъ очевидно начинало дѣйствовать: она физически раздобрѣла и похорошѣла, какъ послѣдняя красота лѣта... Видѣ ея наводило безпокойство... Она была какъ застоявшаяся, раскормленная, запряженная лошадь, съ которой сняли узду. Узды не было никакой, какъ у 0,99 нашихъ женщинъ. И я,—говоритъ Позднышевъ,—чувствовалъ это—и мнѣ было страшно“.

И для читателя, въ устахъ Позднышева, столь много перестрадаваго и переживаго, звучать глубокой правдой рѣзкія обличительныя слова по адресу врачей, слова, выражающія мысли самого Толстого.

— „... Они погубили мою жизнь, какъ они губили и губятъ жизнь тысячъ, сотенъ тысячъ людей, а я не могу не связывать слѣдствія съ причиной. Я понимаю, что имъ хочется такъ же, какъ и адвокатамъ и другимъ, наживать деньги, и я бы охотно отдалъ имъ половину своего дохода, и каждый, если бы понималъ то, что они дѣлаютъ, охотно бы отдалъ имъ половину своего достатка, только чтобы они не вмѣшивались въ вашу семейную жизнь, никогда бы близко не подходили къ вамъ. Я вѣдь не собиралъ свѣдѣній, но я знаю десятки случаевъ—ихъ пропасть, въ которыхъ они убивали то ребенка въ утробѣ матери, увѣряя, что мать не можетъ родиться, а мать потомъ рождаетъ прекрасно; то матерей, подъ видомъ какихъ-то операций. Вѣдь никто не считаетъ этихъ убійствъ, какъ не считали убійствъ инквизиціи, потому что предполагалось, что это на благо человѣчества. Перечестъ нельзя преступленій, совершаемыхъ ими. Но всѣ эти преступленія ничто въ сравненіи съ тѣмъ нравственнымъ растлѣніемъ матеріализма, которое они вносятъ въ міръ, особенно черезъ женщинъ“.

Не уменьшилось ли бы „нравственное растлѣніе“, вносимое въ міръ медициной, если бы леченіе женщинъ совершалось женщинами же? На этотъ вопросъ, съ точки зрѣнія Толстого, приходится отвѣтить отрицательно.

Женщины-врачи не могутъ внести въ эту область свѣжую, нравственную струю, пока они воспитываются по тѣмъ же самымъ научнымъ методамъ и на тѣхъ же нравственныхъ началахъ, что и врачи-мужчины. Если раздѣваніе и ошупываніе женщинъ и дѣвушекъ теряетъ въ этомъ случаѣ растлѣвающій характеръ, то что удержитъ врача-женщину отъ такого же, безъ нужды, запрещенія кормленія дѣтей, запрещенія дѣторожденій и способствованія въ этомъ? Пока не было женщинъ-врачей, нѣкоторыхъ матерей удерживалъ отъ безнрав-

ственныхъ пріемовъ стыдъ передъ мужичной-врачемъ, съ которымъ нужно было совѣтоваться; теперь и эта преграда падаетъ... Женщины-врачи были бы безспорно желательнѣе при леченіи женщинъ, но лишь тогда, когда въ основу медицинской науки были бы положены строгія нравственныя начала. Толстой говоритъ, что женщины, у которыхъ нѣтъ дѣтей, которыя не вышли замужъ, вдовы, словомъ, женщины, которыя, къ сожалѣнію, лишились возможности выполнять имъ однимъ свойственное великое назначеніе,—такія женщины „будутъ прекрасно дѣлать, если будутъ участвовать въ мужскомъ многообразномъ трудѣ“. Но въ трудѣ, конечно, нравственномъ. Въ безнравственномъ же трудѣ, каковымъ Толстой считаетъ медицину нашего време-

ни, вредъ будетъ одинаковъ—будетъ ли вредить мужчина или то же самое будетъ дѣлать женщина.

Здѣсь кстати интересно отмѣтить, что въ наши дни, въ „передовыхъ“ земствахъ, вводятся участковые сельскіе врачи—женщины. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ больныхъ женщинъ отъ неудобства обращаться къ мужчинамъ-врачамъ, въ еще большее неудобство ставятся больные мужчины, могущіе лечиться только у врача-женщины. Это можетъ породить совершенно новыя формы „нравственнаго растлѣнія“, о которомъ говоритъ Толстой... И общество должно подумать и высказаться объ этомъ модномъ теперь „вѣяніи“, объ этомъ переходѣ отъ одной крайности къ другой.

XV.

Особенно важно отношеніе простого народа къ медицинѣ вообще и научной—въ частности.

Въ „Утрѣ помѣщика“ есть такой діалогъ:

„ — Что, ты больна?—спросилъ Нехлюдовъ у бабы“...

„ — Все вотъ тутъ не лущаетъ меня, да и шабашъ,—отвѣчала она, указывая на свою грязную, тощую грудь“.

„ — Опять! —съ досадой сказалъ молодой баринъ, пожимая плечами.—Отчего же ты... больна, а не приходила сказаться въ больницу? Вѣдь для этого и больница заведена. Развѣ васъ не повѣщали“?

„ — Повѣщали, кормилецъ, да недосугъ все: и на барщину, и дома, и ребятишки—все одна! Дѣло наше одинокое“.

Теперь барщины уже нѣтъ, но хозяйственныя заботы, трудъ изъ-за куска хлѣба попрежнему отнимаютъ у крестьянина все время, и ему дѣйствительно некогда лечиться. Конечно, если бы вѣра въ медицину у простого народа была такъ сильна, какъ напр. религіозная вѣра, то полечиться досугъ нашелся бы, какъ находится онъ, чтобы помолиться, сходить или съѣздить въ церковь, отговѣться. Но такой вѣры въ медицину у народа нѣтъ и быть не можетъ: слишкомъ для него очевидно несовершен-

ство этой науки и бесполезность леченія ею. Простые люди знаютъ, что для того, чтобы выздороветь или получить облегченіе, далеко недостаточно сходить или съѣздить къ доктору, выслушать его наставленія, почти всегда неисполнимыя, попить капель. И ради такой помощи, по мнѣнію простого человѣка, не стоитъ затрачивать столь дорогого для него досуга.

Въ „Войнѣ и Мирѣ“ рассказываетъ Левинъ:

„Я третьяго дня вечеромъ встрѣтилъ бабу съ груднымъ ребенкомъ и спросилъ ее, куда она идетъ? Она говоритъ: къ бабкѣ ходила, на мальчика крикса напала, такъ носила лечить“. Я спросилъ: „какъ бабка лечить криксу?“ „Ребеночка къ курамъ на нашестъ сажаетъ и приговариваетъ что-то“.

Для матери ребенка этотъ способъ леченія доставляетъ то самое удовлетвореніе „нравственной потребности надежды, дѣятельности“, потребности „потереть больное мѣсто“, которое образованнымъ людямъ доставляютъ простые и знаменитые доктора. Тысячелѣтія люди лечились подобными средствами, и это не мѣшало имъ быть болѣе, чѣмъ теперь, крѣпкими и долѣе жить. Но чѣмъ больше становится докторовъ, которые криксу называютъ гастро-энтеритомъ

или инымъ мудренымъ словомъ, а куриный нашестъ замѣняютъ разными „маловредными“ веществами,—тѣмъ больше болѣзней, тѣмъ чаще болѣютъ люди, тѣмъ меньше они живутъ. Пусть господствующая медицина виновата въ этомъ меньше, чѣмъ многія другія причины, но несомнѣнно, что она все-таки виновата и что поэтому она не только не уменьшаетъ зла но, неизбѣжно, увеличиваетъ его.

Если бы эта баба понесла своего больного ребенка къ доктору, онъ прописалъ бы какой-нибудь висмутъ или таннальбинъ, назначилъ бы діету и пр.; но отъ этого въ тощей груди матери не прибавилось бы молока, не измѣнились бы нравственныя, матеріальныя и бытовыя условія семьи. И ради „научнаго“ способа леченія, въ который баба не имѣетъ основаній вѣрить больше, чѣмъ въ криксу, она лишь сдѣлала бы много верстъ къ врачу или—если бы врачи были въ каждомъ селѣ—несла бы огромное бремя по содержанію этого врача.

И простой народъ не можетъ не сознавать всего этого, и онъ не видитъ причинъ, почему онъ долженъ предпочитать „научную“ медицину собственной.

Если бы научная медицина была основана прежде всего на началахъ нравственнаго отношенія къ больному, она могла бы и весьма легко проникнуть въ народную среду. Но невозможно вселить вѣру въ электротерапію, асептику, гигиену, хирургию и пр. тамъ, гдѣ не понимаютъ и не могутъ понять помощи безъ искренняго состраданія и любовнаго братскаго участія къ больному. Вообще, нельзя внушить народу вѣру въ то, что, по своему несовершенству, ошибочности, заблужденіямъ, а главное—отсутствію нравственныхъ основаній, вовсе этой вѣры недостойно и внушить ее кому бы то ни было, даже самымъ жрецамъ науки, не можетъ. Нельзя этого сдѣлать потому, что этого безсилія, заблужденія и отсутствія нравственныхъ началъ народъ не можетъ не сознать или не чувствовать.

Въ отношеніяхъ народа къ научной медицинѣ наблюдается то же явленіе, на которое указываетъ Л. Н. Толстой относительно народнаго образованія. Народъ, какъ и каждая личность въ отдѣльности, инстин-

ктивно и сознательно стремится къ приобрѣтенію и сохраненію самаго драгоценнаго для человѣка блага—здоровья; медицина ставитъ своею цѣлью огражденіе отъ болѣзней здоровыхъ и облегченіе или излеченіе больныхъ,—для чего создаетъ рядъ учреждений, врачей, фельдшеровъ, санитаровъ и пр. И, однако, не смотря на такое совпаденіе стремленій, научная медицина прививается въ народѣ съ огромнымъ трудомъ и ничтожнымъ успѣхомъ. „Вся мудрость наша,—говоритъ Толстой,—остается при насъ, а массы народа не понимаютъ и не принимаютъ, и не нуждаются въ ней“.

Народъ не довѣряетъ научной медицинѣ и ея представителямъ, идетъ къ нимъ неохотно, не исполняетъ ихъ предписаній, и всегда охотнѣе лечится самъ, своими средствами, у своихъ лечителей; часто приходится наблюдать, что народъ съ большей вѣрой относится къ совѣту перваго встрѣчнаго—прохожаго, странника—чѣмъ къ наставленіямъ дипломированныхъ представителей медицины. Наблюдаемое съ каждымъ годомъ увеличеніе числа больныхъ у врачей и фельдшеровъ немного говоритъ въ пользу медицины: стоитъ только, игнорируя статистику врачей, измѣряющихъ свою дѣятельность количествомъ принятыхъ больныхъ и отпущенныхъ рецептовъ, прислушаться къ разговорамъ больныхъ въ ожидальныхъ комнатахъ, прослѣдить судьбу врачебнаго совѣта за стѣнами амбулаторіи (чѣмъ, къ сожалѣнію, врачи весьма мало интересуются), чтобы убѣдиться, насколько обезцѣниваетъ народъ научную медицину и насколько онъ не вѣритъ въ нее.

Происходитъ, такимъ образомъ, странное явленіе: то самое, въ чемъ нуждается и чего ищетъ народъ, научной медицинѣ приходится навязывать ему силой, хитростью, приманками.

Врачи объясняютъ это явленіе легко и просто: они говорятъ, что народъ слишкомъ невѣжественъ, чтобы признать и оцѣнить благотворныя открытія научной медицины. Но если бы эти открытія дѣйствительно были благотворны для людей, то странно было бы допустить, чтобы этой своей пользы человѣкъ не могъ оцѣнить только потому, что онъ не грамотенъ. „Поколѣнія работниковъ,—говоритъ Толстой,—носятъ въ

себѣ точно тѣ же человѣческія свойства, и въ особенности свойства искать, гдѣ лучше, какъ рыба—гдѣ глубже, какъ и поколѣнія лордовъ, бароновъ, профессоровъ, банкировъ и т. д.". Больному мужику или бабѣ хочется выздороветь не меньше, чѣмъ богатому и образованному интеллигенту, даже больше, потому что простому человѣку болѣзнь не только доставляетъ страданіе, но и лишаетъ его возможности зарабатывать насущный хлѣбъ. И если бы медицина давала выздоровленіе или облегченіе, то непонятно, почему бы народъ не вѣрилъ въ нее. Можно, будучи простымъ человѣкомъ, не понимать теоріи обмена веществъ или вліянія антитоксиновъ на токсиновъ, не представлять себѣ вѣса атомовъ и т. п., но неужели не было бы понятнымъ для всякаго, если бы это дѣйствительно такъ было, что около ученыхъ врачей люди рѣже болѣютъ, дольше живутъ и спокойнѣе умираютъ, чѣмъ безъ нихъ? И если бы это такъ было, то какое невѣжество не могло бы помѣшать развитію въ народѣ вѣры въ научную медицину: онъ не только бы вѣрилъ въ нее, но стремился бы къ ней, какъ рыба стремится въ глубину, какъ жаждущій—къ источнику, какъ ребенокъ—къ свѣту.

Въ „Плодахъ просвѣщенія“ та самая барыня, которая „до трехъ часовъ каждый день сидитъ за винтомъ, а сама тянется въ рюмку, а потомъ—разстройство пищеварительныхъ органовъ, давленіе на печень, нервы“,—эта самая барыня пугается микробовъ, о которыхъ не имѣетъ никакого представленія, и велитъ все обрызгивать дезинфицирующей жидкостью, одѣйствіи которой не имѣетъ понятія.

„— Да гдѣ же онѣ на насъ, козявки-то эти?—спрашиваетъ мужикъ о микробахъ.

Яковъ. Да онѣ, сказываютъ, такія махонькія, что и въ стекла не видать.

2-й мужикъ. А почему она знаетъ, что онѣ на мнѣ? Може, на ней этой пакости больше моего.

Яковъ. А вотъ поди, спроси ихъ!

2-й мужикъ. А я полагаю, пустое это.

Яковъ. Извѣстно, пустое; надо же дохтурамъ выдумывать, а то за что бы имъ деньги платить? Вотъ къ намъ каждый день ѣздитъ. Приѣхалъ, поговорилъ,—десятку.

2-й мужикъ. Вре?...

Яковъ. А то одинъ есть такой, что сотенную.

1-й мужикъ. Ну! и сотенную?..

3-й мужикъ. О, Господи!..

2-й мужикъ. То-то шальные деньги-то. Что-бъ мужикъ на эти деньги надѣлалъ!

3-й мужикъ. А я думаю, пустое все. Какъ у меня тады нога прѣла. Лечилъ, лечилъ, скажемъ, рублей пять пролечилъ. Бросилъ лечить, а она и зажила“.

„— Ни на что не похоже,—разсказываетъ лакей,—какіе грѣхи съ этими заразами. Скверно совсѣмъ! Даже Бога забыли. Вотъ у нашего барина сестры, княгини Мосоловой, дочка умирала. Такъ что же? Ни отецъ, ни мать и въ комнату не вошли, такъ и не простились. А дочка плакала, звала проститься,—не вошли! Докторъ какую-то заразу нашелъ. А вѣдь ходили же за нею и горничная своя, и сидѣлка—и ничего, обѣ живы остались“.

Чрезвычайно важно, что выведенныя Толстымъ лица изъ простого народа говорятъ не искусственныя рѣчи, навязанныя имъ авторомъ; они говорятъ то, что можно услышать въ любой деревнѣ, въ каждой избѣ. И въ то же время они говорятъ то же самое, что говорить и одинъ изъ „самыхъ лучшихъ учителей въ медицинѣ“, т. е. самъ Толстой.

Почему же то самое, что у Толстого является плодомъ геніальной просвѣщенности, у простого человѣка объясняется невѣжествомъ?

Если бы народный опытъ подтверждалъ благотворность открытій медицины, она проложила бы себѣ путь въ народное сознание легко и скоро. Но этотъ опытъ говорить народу только то самое, что Толстой постигаетъ своимъ необычайнымъ умомъ, знаніями и наблюденіемъ, т. е., что медицина, лишенная нравственной основы, слишкомъ ничтожна, чтобы имѣть хоть часть того значенія, какое ей приписываютъ врачи.

XVI.

Вотъ что говоритъ Толстой о медицинѣ для народа, въ статьѣ „О назначеніи науки и искусства“.

„Воображаемая наука врача вся такъ поставлена, что онъ умѣетъ лечить только тѣхъ людей, которые ничего не дѣлаютъ. Ему нужно безчисленное количество дорогихъ приспособленій“. „Онъ учился у знаменитостей въ столицахъ, которыя держатся паціентовъ только такихъ, которыхъ можно лечить въ клиникѣ, или которые, лечась, могутъ купить необходимыя для лекарства машины и даже переѣхать сейчасъ съ сѣвера на югъ и на такія и другія воды. Наука ихъ такова, что всякій земскій врачъ плачется на то, что нѣтъ средствъ лечить рабочій народъ, что онъ такъ бѣденъ, что нѣтъ средствъ поставить больного въ гигиеническія условія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же врачъ жалуется на то, что нѣтъ больницъ, и что онъ не поспѣваетъ: ему нужно помощниковъ, еще докторовъ и фельдшеровъ. Что-же выходитъ? Выходитъ то, что главное бѣдствіе народа, отъ котораго происходятъ и распространяются, а не излечиваются болѣзни—это недостаточность средствъ для жизни. И вотъ наука, подъ знаменемъ раздѣленія труда, призываетъ своихъ борцовъ на помощь народу. Наука вся пристроилась къ богатымъ классамъ и своей задачей ставитъ какъ лечить тѣхъ людей, которые все могутъ достать себѣ, и посылаетъ лечить тѣхъ, у которыхъ ничего нѣтъ лишняго, тѣми-же средствами. Но средствъ нѣтъ, и потому надо ихъ брать съ народа, который болѣетъ и заражается, а не вылечивается отъ недостатка средствъ. Вотъ и говорятъ защитники медицины для народа, что теперь еще это дѣло мало развилось. Очевидно, что мало развилось, потому что, если бы, избави Богъ, оно развилось—и на шею народа, вмѣсто 2-хъ докторовъ, акушерокъ и фельдшеровъ въ уѣздѣ, посадили бы 20, какъ они хотятъ этого, то половина народа перемерла бы отъ тяжести содержания этого медицинскаго штата, и скоро

бы и лечить некого было. Научное содѣйствіе народу, про которое говорятъ защитники науки, должно быть совсѣмъ другое. И то содѣйствіе, которое должно быть, еще не начиналось. Оно начнется тогда, когда человѣкъ науки, техники или врачъ, не будутъ считать законнымъ брать отъ людей, не говоря уже сотни тысячъ, а даже скромные 1000 или 500 рублей за свое содѣйствіе имъ, а будутъ жить среди трудящихся людей въ тѣхъ же условіяхъ и такъ же, какъ они, и тогда будутъ прикладывать свои знанія къ вопросамъ механики, техники, гигиены и леченія рабочаго народа. Теперь же, наука, кормящаяся на счетъ рабочаго народа, совершенно забыла объ условіяхъ жизни этого народа, игнорируетъ (какъ она выражается) эти условія и пресерьезно обижается, что ея воображаемыя знанія не находятъ приложенія къ народу“.

„Область медицины, какъ область техники, лежитъ еще непочатая. Всѣ вопросы о томъ, какъ лучше раздѣлять время труда, какъ лучше питаться, чѣмъ, въ какомъ видѣ, когда, какъ лучше одѣваться, обуваться, противодѣйствовать сырости, холоду, какъ лучше мыться, кормить дѣтей, пеленать и т. п., именно въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится рабочій народъ, — всѣ эти вопросы еще не поставлены“.

Такимъ образомъ, Толстой противорѣчитъ утвержденію *Вересаева*, что „не можетъ существовать такой науки, которая бы научила залечивать язвы съ торчащими въ нихъ гвоздями“. Такая наука должна быть! Если жизнь человѣчества устроена такъ, что гвозди не могутъ быть выдернуты изъ ранъ, то медицина, которая не умѣетъ залечивать такихъ ранъ, бесполезна или вредна,—особенно если она такъ дорого обходится народу, что на деньги, которыя она стоитъ, можно было бы значительно облегчить боль одного изъ самыхъ существенныхъ „гвоздей“, растрavляющихъ раны—боль народной бѣдности.

Научная медицина должна научиться залечивать раны съ невыдернутыми гвоз-

дами! Она должна перестать быть наукой для богатыхъ людей и должна научиться лечить „въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находится рабочій народъ“. Для этого нуженъ огромный трудъ, серьезный, нравственный, любовный, трудъ, несравненно, быть можетъ, большій, чѣмъ на открытіе какихъ-нибудь птомаиновъ, изученіе теоріи лейкоцитоза или химическаго вліянія на кожу свѣтовыхъ и цвѣтныхъ лучей; а главное, нужно много сердца,—сравнительно, слишкомъ много! Но это не значитъ, что науки, которая умѣла бы лечить простыхъ людей въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ они живутъ и отъ которыхъ не могутъ быть избавлены, что такой науки не можетъ быть. Надо поставить эти вопросы и серьезно заняться ими, хотя бы въ ущербъ количеству и разнообразію теорій, правда весьма занимательныхъ, но для значительной части человѣчества совершенно бесполезныхъ и ненужныхъ.

Вопросы, о которыхъ говоритъ Толстой, должны быть поставлены не на земскихъ сѣздахъ или санитарныхъ совѣтахъ, гдѣ заставляютъ врачи, уже воспитанные въ извѣстномъ направленіи, уже „лишенные возможности простого, яснаго общечеловѣческаго мышленія“, а вопросы эти должны быть поставлены еще въ университетахъ, въ гимназіяхъ, въ семьяхъ. Будущихъ врачей надо приучать жить народной жизнью, понимать народную душу, любить народъ, привыкать къ его здоровому и полезному труду. И тогда врачи нашли бы то, что теперь считается ими невозможнымъ,—нашли бы средство залечивать раны съ торчащими въ нихъ гвоздями. Въ естественной лабораторіи, имѣя дѣло не съ колбами и ретортами, а съ живою народною душою, врачи приобрѣли бы болѣе широкій и правильный взглядъ на міръ Божій и на Его образъ и подобіе—человѣка. И если бы вслѣдствіе этого однимъ открытымъ микробомъ меньше, то какою сторицею была бы вознаграждена медицина! Но пока врачи будутъ жить чуждой народа жизнью, пока будутъ изучать лишь свойства его тѣла и игнорировать свойства души, пока вмѣсто любви и участія будутъ относиться къ народу съ самоувѣреннымъ покровительствомъ или гордостью,—до тѣхъ поръ врачи будутъ

заботиться объ уничтоженіи микробовъ тамъ, гдѣ свободно располагаются вши, о примѣненіи діеты, муки Нестле, соматозы и пр. тамъ, гдѣ не на что купить хлѣба или картофеля.

Въ одномъ солидномъ гигиеническомъ журналѣ можно прочесть, наприимѣръ, слѣдующія строки:

„Благодаря неправильной постановкѣ вопроса, за послѣднюю половину XIX столѣтія въ наукѣ господствовали въ высшей степени сбивчивыя понятія о томъ, что считать пищей и какая пища наиболѣе пригодна для человѣка. Грѣшасія крайней догматичностью и презрѣніемъ къ инстинкту пищевыя нормы Фойта и Петтенкофера только теперь замѣнены нормой Rubner'a, болѣе растяжимой, потому что она разсчитана на калоріи. По этой нормѣ пищею теперь считаются не одни только бѣлки, жиры и углеводы, а всѣ вещества, привычно потребляемыя человѣкомъ“ *).

Для людей, не утратившихъ способности яснаго человѣческаго мышленія, кажется смѣшнымъ или дикимъ, чтобы считающіе себя просвѣщеннѣйшими людьми, „двигателями человѣчества“, люди науки до послѣднихъ дней имѣли лишь сбивчивыя понятія о томъ, что давно извѣстно не только простому крестьянину, но и дикарю, и животному. Благодаря отвлеченному характеру науки, болѣе похожей на забаву, чѣмъ на серьезное занятіе для пользы людей, ученые всего мира, въ результатъ неизмѣримыхъ затратъ труда, времени, ума, „только теперь“ приходятъ къ выводу, что „пищею считаются всѣ вещества, привычно потребляемыя „человѣкомъ“!

Кажется, что послѣ такого „научнаго вывода“ въ вопросѣ о пищѣ „сбивчивымъ“ понятіямъ“ долженъ наступить конецъ, что всѣ труды и пререканія ученыхъ по этому вопросу должны быть признаны празднымъ занятіемъ и никому ненужнымъ пустословіемъ, что весь сонмъ ученыхъ до сихъ поръ ломился въ открытую дверь, и что въ будущемъ въ этомъ вопросѣ ученымъ нечего болѣе дѣлать. Но если бы ученые такъ отнеслись къ вопросу о пищѣ,—а другіе „научные“ вопросы ничѣмъ

*) „Вѣстн. общ. гигиены, судебн. и практ. мед.“ декабрь, 1903 г.

не отличаются отъ этого,—то зачѣмъ тогда они сами, зачѣмъ наука? И вотъ, какъ вмѣсто пищевыхъ нормъ *Фойта и Петтенкофера* была выдумана рассчитанная на калоріи норма *Рубнера*, такъ на мѣсто этой, когда о ней наговорятся въ волю

и она надоѣстъ даже ученымъ, какой-нибудь Х выдумаетъ новую норму, а Z еще новую и т. д.,—и „въ высшей степени сбивчивыя понятія“ будутъ господствовать въ XX вѣкѣ такъ же, какъ господствовали они въ XIX-мъ.

XVII.

Научная медицина зиждется на слишкомъ отвлеченныхъ понятіяхъ и слишкомъ уклонилась отъ естественныхъ условій жизни, особенно народной. „Всѣ гигиеническія и медицинскія ухищренія человѣческаго ума,—говоритъ Толстой,—для приспособленія пищи, питья, помѣщенія, вентилляціи, отопленія, одежды, лекарствъ, водъ, массажа, гимнастики, электрическихъ и всякихъ другихъ леченій,—всѣ эти хитрости-мудрости суть только средства поддерживать тѣлесную жизнь человѣка, изъятую изъ естественныхъ ея условій труда...“ „Все, что называемъ гигиеной и медициной—это попытки обмануть естественныя, физическія требованія человѣческой природы“.

И вотъ эта самая наука, уклонившаяся отъ естественныхъ требованій человѣческой природы, на однихъ теоретическихъ построеніяхъ, обѣщаетъ рѣшить сложную проблему существованія человѣка, уменьшить его болѣзненность, страданія, увеличить продолжительность жизни, сдѣлать безболѣзненной старость и даже—о, верхъ человѣческой самоувѣренности и слѣпой гордыни!—эта самая наука обѣщаетъ даровать людямъ безсмертіе. По крайней мѣрѣ, проф. *Мечниковъ* въ своихъ „Этюдахъ о природѣ человѣка“ заявилъ: „Можно утверждать, на основаніи научныхъ доказательствъ, что организмъ нашъ заключаетъ вполне безсмертныя элементы...“ „Старость наша есть болѣзнь, которую нужно лечить какъ всякую другую“. А такъ какъ, по убѣжденію врачей, всякую другую болѣзнь наука можетъ не только лечить но и вылечивать, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что и относительно старости она можетъ достигнуть тѣхъ же успѣховъ. Если инфузоріи безсмертны, то почему же не быть таковымъ человѣку? Нѣмецкій ботаникъ *Нэгели* даже выска-

залъ положеніе, что „въ природѣ не существуетъ естественной смерти“. И стоитъ только предоставить „самое широкое поле дѣятельности“ наукѣ, которая „только одна способна рѣшить задачу человѣческаго существованія“, какъ станетъ, пожалуй, возможнымъ не только изучить неестественныя причины смерти людей, но и устранить ихъ...

По мнѣнію людей науки, человѣкъ слишкомъ близко стоитъ къ природѣ и, вообще, такъ созданъ, что его слѣдуетъ передѣлать на иной манеръ. „Теперь уже нѣтъ ничего дерзновеннаго въ утвержденіи,—говоритъ проф. *Мечниковъ*,—что не только слѣпая кишка со своимъ придаткомъ, но даже всѣ толстыя кишки человѣка излишни въ нашемъ организмѣ, и что удаленіе ихъ привело бы къ очень желательнымъ результатамъ“. Не смотря на большіе успѣхи, осуществленные хирургіей, въ настоящее время немыслимо разсчитывать удалять толстыя кишки хирургическими приѣмами. Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ и пойдутъ по этому пути... Не только пищеварительный аппаратъ, но „и глазъ, и всѣ другіе аппараты, посредствомъ которыхъ мы знакомимся съ внѣшнимъ міромъ, и сознаніе представляютъ большую естественную дисгармонію“. „Если бы человѣкъ рождался съ такой же высокой степенью развитія, какъ новорожденная морская свинка, онъ, вѣроятно, гораздо точнѣе отдавалъ бы себѣ отчетъ относительно эволюціи своего познания реальнаго міра“.

Совершеннѣйшее изъ созданій природы—человѣкъ—не нравится людямъ науки: не подходитъ подъ выдуманныя ими гипотезы и положенія. И было бы гораздо лучше, если бы человѣкъ былъ созданъ по образу морской свинки. Возможно, что если бы

подрѣ было предоставлено „самое широкое“ поле дѣятельности, чтобы ей ничто не мѣшало свободно идти по пути вырѣзыванія толстыхъ кишекъ, измѣненія оптической организаціи глаза и устраненія прочихъ „дисгармоній“ человѣческой природы, то уподобленіе человѣка морской свинкѣ могло бы получить реальное осуществленіе. Человѣкъ достигъ бы такой же „высокой степени развитія“ и былъ бы безсмертенъ, какъ инфузорія...

Не можетъ быть, чтобы эта ученая близорукость, считающая нехорошимъ и ненужнымъ то, значеніе чего ей непонятно, чтобы это ожиданіе великихъ послѣдствій отъ ничтожныхъ причинъ, чтобы это игнорированіе дѣйствительныхъ, видимыхъ, плачевныхъ для человѣчества результатовъ наряду съ блестящими, фантастическими общаніями,—не можетъ быть, чтобы это были „плоды просвѣщенія“, настоящего, истиннаго; это можетъ быть только выраженіемъ „власти тьмы“, густымъ мракомъ окутывающей такъ называемый „ученый“ міръ.

Какъ въ вопросѣ о пищѣ, наука не

могла прійти къ иному выводу, чѣмъ тотъ, который давно извѣстенъ простымъ людямъ, такъ и въ остальныхъ вопросахъ жизни, старости и смерти господствующая наука не дастъ больше, чѣмъ то открыто непосредственному религіозно-нравственному чувству человѣка.

Люди, вовсе не понимающіе научной медицины, народъ, дикія племена, не угнетаемая классами культурными—свѣжѣе, сильнѣе, здоровѣе, долговѣчнѣе, чѣмъ тѣ, которые съ пеленокъ живутъ по правиламъ научной медицины и не могутъ представить себѣ жизни безъ врачей, курортовъ, массажа, гирь, спринцованій, полосканій, мазей, порошковъ и пр. и пр. И какъ золотымъ вѣкомъ былъ тотъ, когда золото еще не властвовало, такъ самымъ здоровымъ было то время, когда еще вовсе не было теперешней научной медицины. И не ей, конечно, съ ея искусственнымъ и поверхностнымъ направленіемъ, вернуть человѣчеству утраченное здоровье, несбереженную нравственную и физическую силу.

XVIII.

Итакъ, „наука нашего времени,—говорить Толстой,—(въ томъ числѣ, конечно и медицина), совершая дѣйствительно большіе успѣхи въ области изслѣдованія условій матеріальнаго міра, въ жизни людей оказывается ни на что не нужною, а иногда производящею даже вредныя послѣдствія“.

Отчего это?

Несомнѣнно отъ того, что врачи, зная многое ненужное, не знаютъ немногаго нужнаго и главнаго. Изучая міръ бактерій и жизнь клѣтокъ, они мало интересуются духовнымъ міромъ больныхъ, а главное—не кладутъ въ основу своихъ отношеній къ больнымъ нравственныхъ началъ состраданія, жалости, любви; работая „ненавистную имъ работу“ („Въ чемъ счастье?“), врачи относятся къ больнымъ „не только безъ состраданія, но даже съ отвращеніемъ“, („Трудъ, смерть и болѣзнь“). Между тѣмъ, всѣ открытія медицины, при искреннемъ, любовномъ, нрав-

ственномъ отношеніи къ больнымъ, получили бы совершенно иное освѣщеніе, и стало бы яснымъ, что среди нихъ важно и что ненужно, исчезла бы страшная путаница въ понятіяхъ, и вся медицинская наука была бы направлена по иному, дѣйствительно благотворному руслу.

«Ты очень ошибаешься,—говорилъ Памфилій Юлію („Ходите въ свѣтъ, пока есть свѣтъ“),—если думаешь, что мы не признаемъ науки и искусства. Мы высоко цѣнимъ всѣ способности, которыми одарена человѣческая природа. Но на всѣ способности, присущія человѣку, мы смотримъ какъ на средство для достиженія одной и той же цѣли, которой мы посвящаемъ всю нашу жизнь, а именно—исполненіе воли Божіей. Въ наукѣ и искусствѣ мы видимъ не потѣху, годную только для увеселенія праздныхъ людей; мы требуемъ отъ науки и искусства того же, что отъ всѣхъ зачатій человѣческихъ, чтобы въ нихъ осуществлялась та же дѣятельность

любви къ Богу и ближнему, которою проникнуты всѣ дѣла христіанина“.

Безъ этой дѣятельной любви къ больному, безъ состраданія и участія,—не внѣшняго, формальнаго, которое мы наблюдаемъ теперь, съ шаблонной „ободряющей“ улыбкой, съ видомъ „обладанія полной истиной“, а искренняго и глубокаго, подобнаго тому, съ которымъ отнесся къ больному семейству старикъ Елисей („Два старика,“) или которымъ обладалъ на примѣръ, докторъ Гаазъ,—безъ такой любви и такого участія самая шумная открытія медицины въ жизни людей всегда будутъ „ни на что не нужными, а иногда производящими даже вредныя послѣдствія“.

А Листеровская повязка, а хлороформъ, карболовая кислота, прививка бактерій, искуснѣйшія операціи?

На это Толстой отвѣчаетъ, что „вылеченное отъ дифтерита одно дитя изъ тѣхъ дѣтей, которыя безъ дифтерита нормально мрутъ въ Россіи въ количествѣ 50⁰/₀, и въ количествѣ 80⁰/₀ въ воспитательныхъ домахъ, не можетъ убѣдить людей въ благотворности науки“.

„Строй нашей жизни таковъ,—продолжаетъ Толстой,—что не только дѣти, но большинство людей отъ дурной пищи, непосильной вредной работы, дурныхъ жилищъ, одежды, отъ нужды не доживаютъ половины тѣхъ лѣтъ, которыя они должны бы жить; строй жизни таковъ, что дѣт-

скія болѣзни, сифилисъ, чахотка, алкоголизмъ захватываютъ все больше и больше людей; что большая доля трудовъ отбрасывается отъ нихъ на приготовленіе къ войнѣ; что каждая десятая—двадцатая лѣтъ миллионы людей истребляются войною,—и все это происходитъ оттого, что наука, вмѣсто того, чтобы распространять между людьми правильныя религіозныя и общественныя понятія, вслѣдствіе которыхъ сами собой уничтожились бы всѣ эти бѣдствія, занимается, съ одной стороны, оправданіемъ существующаго порядка, съ другой—игрушками, и намъ въ доказательство плодотворности науки указываютъ на то, что она исцѣляетъ одну тысячную тѣхъ больныхъ, которые и заболѣваютъ-то только оттого, что наука не исполняетъ свойственнаго ей дѣла. Да если бы хотъ малая доля тѣхъ усилій, того вниманія и труда, которые которые кладетъ наука на тѣ пустяки, какими она занимается, она направила на установленіе среди людей правильныхъ религіозныхъ, нравственныхъ, общественныхъ, даже гигиеническихъ понятій, не было бы сотой доли тѣхъ дифтеритовъ, маточныхъ болѣзней, горбовъ, исцѣленіемъ которыхъ такъ гордится наука, производя эти исцѣленія въ своихъ клиникахъ, роскошь устройства которыхъ не можетъ бытъ распространена на всѣхъ“.

(„Предисловіе къ статьѣ Карпентера: „Современная наука“).

XIX.

Такъ что же, въ концѣ-концовъ—забросить все, уничтожить медицину?

Нѣтъ! Нельзя уничтожить того, что, „всегда существовало и будетъ существовать“, что такъ же необходимо для людей, „какъ пища и питье, и одежда—даже необходимо“.

Нельзя указать и перечислить подробностей того направленія, которому должна слѣдовать медицина, чтобы быть полезною людямъ, но стоитъ только представителямъ ея установить истинно-нравственное отношеніе къ своимъ задачамъ и къ больному человѣку—и должное направленіе медицины станетъ яснымъ.

Тогда медицина не будетъ достояніемъ ничтожнаго числа людей, а будетъ имѣть въ виду пользу всего человѣчества; не будетъ, уклоняясь по болѣе легкому пути, складывать руки передъ ранами съ торчащими въ нихъ гвоздями и оправдываться своимъ безсиліемъ вылечить ихъ; человѣкъ неизбѣжно станетъ тогда для медицины цѣлью, а не средствомъ, и сама собою исчезнетъ пресловутая „наука для науки“; медицинскія теоріи не будутъ идти въ разрѣзъ съ истинными религіозно-нравственными понятіями и съ принципами общественной жизни, т. е. единенія людей. Врачи будутъ воспитываться на высокій

подвигъ истиннаго и серьезнаго служенія больнымъ, а не будутъ забивать головы бесполезными для огромнаго большинства теоріями и, „по мѣрѣ оглупнѣнія“, приобрѣтатъ самоувѣренность: для того, чтобы человѣкъ былъ способенъ къ исканію истины, къ приближенію къ ней, ему необходимо сомнѣваться,—самоуверенность же безнадежна. Къ народу, къ его отношенію къ медицинѣ, врачи будутъ относиться не съ высокоумнымъ презрѣніемъ, какъ къ выраженію невѣжества, а съ глубокимъ вниманіемъ, какъ къ мѣрилу правильности или ложности взятаго направленія. И тогда невозможно будетъ, чтобы кто-нибудь не вѣрилъ въ медицину—общество, народъ, врачи; не только всѣ будутъ вѣрить въ нее, но для всѣхъ она будетъ также необходима, „какъ пища, и питье, и одежда, даже необходимѣе“.

Въ своемъ „Курсѣ государственной науки“ проф. *Чичеринъ* говоритъ объ естествознаніи: „Матеріаль собранъ громадный; техническіе приемы и приложения достойны всякой похвалы и удивленія; но свѣтъ, озаряющій эту необъятную область—ничтожный и мерцающій: это скудная лампада, зажженная неумѣлыми руками“. Но въ то время, какъ *Чичеринъ* находитъ возможнымъ поправить дѣло возстановленіемъ въ наукѣ метафизики, Толстой находитъ, что только одинъ свѣтъ можетъ озарить необъятную область науки—свѣтъ нравственной мысли и дѣятельной любви къ ближнему. Только этотъ свѣтъ можетъ возжесть скудную лампаду, зажженную неумѣлыми руками людей науки, и сдѣлать эту науку необходимой и полезной для людей.

Говорятъ: пусть господствующая медицина ложна, неправильна, но уничтожить ее нельзя,—оставленное безъ нея, человѣчество, приученное къ искусственнымъ условіямъ жизни и къ искусственной медицинѣ, сильно пострадаетъ. Но изъ этого только слѣдуетъ, что не приучать человѣчество нужно къ господствующей медицинѣ, къ чему стремятся врачи и къ чему, въ своихъ интересахъ, не могутъ не стремиться, а нужно всѣми силами отучать отъ нея, какъ отучаютъ людей отъ вредныхъ наклонностей и привычекъ.

Съ Толстымъ многіе изъ людей науки открыто не соглашались, хотя всѣ—и это весьма важно—съ нравственнымъ наслажденіемъ перечитываютъ и передумываютъ его мысли: совѣсть людей болѣе, чѣмъ ихъ умъ, чутка къ тому, что важно и не важно для человѣчества, и потому даже тѣ, которые умомъ не соглашались съ Толстымъ, или дѣлаютъ видъ, что не соглашались, въ глубинѣ души чувствуютъ, что ученіе великаго мыслителя открываетъ человѣчеству что-то хорошее, огромное и радостное. Чтобы открыто признать и принять ученіе Толстого, нужно имѣть такую же „взволнованную“ совѣсть, какъ у него, такое же сильное стремленіе къ высокому и чистому идеалу, нужно испытать такую же муку и боль за человѣчество, мятущееся въ собственныхъ сѣтяхъ.

Толстой постигъ человѣческую душу, какъ истинный мыслитель, и освѣтилъ лучами своего знанія все, чего коснулся его гений. Заглянувъ въ область медицины, онъ сдѣлалъ для человѣчества величайшее открытіе, которое, несомнѣнно, будетъ имѣть серьезное и благотворное вліяніе на дальнѣйшій ходъ идей въ этой области. Открытіе это основано на вѣрно и глубоко понятыхъ явленіяхъ нравственной и физической жизни людей, доказано несомнѣнной нелѣпостью господствующихъ теченій научной мысли и освѣщено блестящимъ гениемъ до самой простой и всѣмъ понятной очевидности. Это открытіе—преимущественное значеніе для медицины міра духовнаго, нравственнаго передъ міромъ вещественнымъ, физическимъ, движеній сердца—передъ движеніями ума.

„Называя себя мудрыми, обезумѣли“. Самая блестящая человѣческая мудрость, если она не освѣщена и не согрѣта высокимъ нравственнымъ чувствомъ, равна безумію со всѣми его послѣдствіями. И по пути именно этой мудрости направляется господствующая медицина, и съ этого пути ей необходимо свернуть на путь иной, на путь мудрости истинной, освѣщенной высокимъ нравственнымъ отношеніемъ къ цѣли и нравственнымъ чувствомъ—къ страдающему, больному человѣку.

Нравственное чувство человѣчества не можетъ и не должно мириться съ тѣмъ,

что въ наши дни медицина смотритъ на болѣзни не какъ на страданія живыхъ людей, а какъ на отвлеченныя шарады, для рѣшенія которыхъ нужно лишь прописать то или другое лекарство или діету. Для современной медицины нѣтъ больныхъ людей—есть только извѣстныя формы болѣзней, обусловленныя извѣстными микробами.

И этого не должно быть и когда-нибудь не будетъ. Когда-нибудь для науки передъ отвлеченными формулами и микробами пред-

станетъ *человѣкъ* со всѣмъ его сложнымъ духовно-нравственнымъ міромъ, живущій, думающій, страдающій, умирающій. Тогда врачи не будутъ только „дѣлать видъ“, что они помогаютъ страдающимъ людямъ, а дѣйствительно будутъ дѣлать это, отдавая своему высокому служенію съ любовью и всею душой.

И тогда медицина будетъ истинной, благотворной и, какъ воздухъ, необходимой для людей. Тогда всѣ пріймутъ ее и всѣ увѣруютъ въ нее.

Когда закатилось яркое солнце Россіи, когда перестало биться дивное сердце лучшаго изъ сыновъ челевѣчества, когда перешель въ другой міръ тотъ, кто неустанно тревожилъ совѣсть людей и указывалъ имъ путь къ высшему духовному счастью,—тогда всѣ, кто живетъ и мыслить, отозвались на это общемировое событіе. Духовные и міряне, штатскіе и военные, богатые и нищіе, „культурные“ и „некультурные“, мужчины и женщины, старцы и юноши,—всѣ были взволнованы смертью Л. Н. Толстого. На земномъ шарѣ нѣтъ такого, населеннаго мыслящими людьми мѣста, гдѣ бы эта смерть осталась не замѣченной, не произвела впечатлѣнія.

Не стало великаго пророка, и заволновалось осиротѣвшее челевѣчество. Только теперь оно вполне поняло, какую потеряло мощную духовную силу...

Пользовавшій Толстого д-ръ *Д. Никитинъ*, обращаясь къ русскому обществу съ призывомъ поддержать Яснополянскую амбулаторію, между прочимъ, писалъ слѣдующее:

„Скажутъ, что Л. Н. отрицалъ медицину,—это вѣдь—ходячее мнѣніе. Но, оставивъ въ сторонѣ взгляды Л. Н. на медицину, какъ на одну изъ естественныхъ наукъ, я долженъ сказать, что онъ искренне сочувствовалъ медицинѣ, какъ средству для облегченія челевѣческихъ страданій, и мнѣ не разъ приходилось слышать, что онъ особенно цѣнилъ дѣятельность земскихъ врачей, служащихъ тому самому крестьянскому люду, который такъ любилъ Левъ Николаевичъ. За нѣсколько дней до смерти

онъ говорилъ мнѣ о томъ, какъ важно помогать страдающимъ людямъ, какое большое дѣло милосердія и любви могутъ дѣлать врачи“. („Русск. Вѣд.“, № 264/1910 г.)

Передавая содержаніе этого письма д-ра Никитина своими словами, врачебныя изданія („Практ. Вр.“, № 48; „Врачебн. Газета“, № 47) печатали; „Между прочимъ, д-ръ Никитинъ опровергаетъ слухи о томъ, что Л. Н. отрицательно относился къ медицинѣ“.

Конечно, высказанные Толстымъ взгляды на медицину не могутъ измѣниться отъ столь своеобразнаго толкованія ихъ врачебными изданіями. То, что д-ръ Никитинъ называлъ „ходячимъ мнѣніемъ“, а редакторы врачебныхъ изданій, уже забывшія произведенія Толстого, называли „слухами“, основано на подлинномъ мнѣніи Толстого, которое онъ многократно высказывалъ въ теченіе почти всей своей писательской дѣятельности, начиная отъ „Дѣтства“ и кончая послѣдними произведеніями. И то, что пишетъ д-ръ Никитинъ, не противорѣчитъ тому, что мы знаемъ отъ Толстого. Д-ръ Никитинъ „оставляетъ въ сторонѣ взгляды Л. Н. на медицину, какъ на одну изъ естественныхъ наукъ“, и говоритъ, со словъ Толстого, о важности медицины, какъ „дѣла милосердія и любви“. Но развѣ существующая медицина и дѣятельность врачей является дѣломъ милосердія и любви, особенно же въ томъ смыслѣ, какъ понималъ милосердіе и любовь Толстой?

Въ газетахъ сообщалось, что Л. Н. Толстого не такъ лечили, какъ слѣдовало бы лечить величайшаго изъ людей, не пригла-

сили врачей-знаменитостей и т. д. Такія разсужденія намъ казались праздными. Около Л. Н., въ послѣдніе дни его жизни, были люди, наиболѣе ему преданные, лечили его врачи, также преданные ему всею душою и хорошо изучившіе физическій организмъ пациента. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что окружающими больного было сдѣлано все возможное въ предѣлахъ человѣческихъ силъ и знаній, чтобы продлить угасавшую драгоцѣнную жизнь.

Послѣдніе дни жизни и смерть Л. Н. Толстого какъ бы подтверждаютъ извѣстный взглядъ его на болѣзни и смерть людей.

Въ своихъ произведеніяхъ Толстой указываетъ ту мысль, что среди безчисленнымъ гибельныхъ условий, окружающихъ плотскую жизнь человѣка, ему естественно гибнуть. И если мы живемъ, то лишь пока совершается въ насъ дѣло жизни, подчиняющее себѣ всѣ эти условія.

Своимъ уходомъ изъ Ясной Поляны Толстой завершилъ дѣло своей жизни, своего ученія. Отрѣшившись отъ всѣхъ земныхъ связей, онъ достигъ высшей гармоніи духа; онъ отдѣлился отъ земного и сталъ принадлежать небесному; онъ соединился съ тѣмъ Богомъ, которымъ была жива святая душа его. Брэнная земная оболочка стала ненужной. Такъ не все ли равно, какимъ бактеріямъ она послужила добычей, и чѣмъ лечили ее врачи, и какіе врачи?...

Послѣ смерти Толстого, въ печати, въ общественныхъ учрежденіяхъ и всѣхъ культурныхъ организаціяхъ начались сужденія о формахъ и способахъ увѣковѣченія его памяти.

Тѣ, кто въ глубинѣ души высоко ставятъ великое творчество угасшей великой жизни, должны создать ему памятникъ нерукотворный. Поставьте самый высокій монументъ—онъ не будетъ видѣнъ всѣмъ; украсьте его лучшими атрибутами—онъ не украситъ жизни людей; вложите въ него гениальную мысль творца-художника—онъ не станетъ сокровищницею для души народа; вылейте его изъ золота—онъ не будетъ цѣннѣе ученія угасшаго великаго пророка.

Памятникъ Толстому долженъ быть все-народнымъ и вѣчнымъ.

Устраивайте въ честь его народные университеты, школы, библіотеки, стипендіи для образованія и т. п. нерукотворные памятники. Главное же—разсѣйте въ народѣ дешевыми и даровыми брошюрами мысли величайшаго художника и мудраго учителя,—и то одухотвореніе жизни людей, которое произойдетъ подъ вліяніемъ его ученія и перейдетъ изъ рода въ родъ, будетъ вѣчнымъ духовнымъ памятникомъ почившему другу человѣчества.

Пусть будетъ благословенно имя его въ сердцахъ народовъ!